

ЕВРЕЙСКИЙ ЖАМЕРТОН

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

"МОИ РУКИ ПО ЛОКОТЬ В БЕМОЛЯХ"

Шуламит ШАЛИТ

"Мои руки по локоть в бемолях" - так чувствовать может только музыкант. Но так сказать - только поэт. "Работаю в музыке, литературе и визуальном искусстве" - это ее слова, просто и ясно.

А многие из тех, кто Леру Ауэрбах (Авербах) слышит, видит, читает - ее и о ней - награждают такими эпитетами: феноменальная, яркая, особенная, где-то видела даже "фантастический фейерверк"!

Она признана самым исполняемым из ныне живущих композиторов в мире! Три балета на ее музыку поставил великий хореограф Джон Ноймайер. Ее симфоническая, камерная, вокальная музыка, оперы "Гоголь" для Венского театра по собственному либретто, "Слепые" (а капелла) по Метерлинку - опера, вызвавшая большой резонанс уже самой авторской идеей, чтобы зрители слушали ее с завязанными глазами...

Она же и пианистка. "Ауэрбах продолжает традиции пианистов-виртуозов, сочинявших свои произведения в XIX и XX столетии. Это самый молодой композитор из списка престижного международного музыкального издательства "Сикорски", явившего миру творчество Прокофьева, Шостаковича, Шнитке, Губайдулиной и Канчели" (с сайта муз. изд-ва "Ханс Сикорский").

Мировая известность пришла к Лере Ауэрбах, так мне думается, все-таки с балета "Русалочка", с того дня, когда великий хореограф Джон Ноймайер предложил именно ей, а тогда Лере было чуть за тридцать, поработать с ним снова... Снова, потому что познакомились они раньше. К тому времени одним списком ее сочинений как композитора и поэта, ее дисков, книг, именами других композиторов, чьи произведения она исполняла, как пианистка, можно было заполнить несколько полос в нашем издании.

Ноймайер имя ее, может быть, и слышал, но не музыку. Какой-то скрипач дал ему послушать "24 прелюдии для скрипки и ф-но" и "24 прелюдии для виолончели и ф-но". Композитор - Lera Auerbach. Ноймайеру, бессменному руководителю Гамбургского балета, присуще зажигать. Нашел "госпожу Ауэрбах", позвонил.

Фото Леры Ауэрбах к диску с ее сочинениями: "Прелюдии для фортепьяно", "Десять снов" и "Хорал, Фуга и Постлюдия". Фото: Friedrun Reinhold

Встреча состоялась в 2002 году, а балет "Прелюдии CV" - появился уже через год, в 2003-м. И очень скоро Ноймайер, Лера тоже давно называет его просто Джон, предложил ей написать оригинальную музыку для "Русалочки" (по Андерсену), а потом и для "Татьяны" (по Пушкину). В 2014 году у Джона было два юбилея, его 75-летие и 40 лет работы с Гамбургским балетом, и он включил "Прелюдии CV" в десяток наиболее важных для его творчества произведений. Это почетно!

Иногда художника, артиста спрашивают: творчество - это праздник? Вот Лера. Никогда не поверю, что жизнь ее легка и исключительно празднична. Интересно, как прочтутся вами стихи, из экономии места загнанные в длинные строки. Надеюсь, поможет голосовой ритм.

"Я ловлю в себе музыку. Она уже есть, но ее надо расслышать. Она живет во мне, но в то же время и вне меня, совершенно независимо. Ее трудно поймать. И еще трудней записать - ведь она так свободна и вовсе не хочет, чтоб ее записали... Эти ноты разбросаны, непонятны - их надо причесать, одеть в тембры и облечь в форму. Это и есть работа композитора - сковать ноты ритмом, запрятать в такты, чтоб не сбежали на свободу... А потом ночью в бессилии плакать, потому что получилась совсем не та музыка".

Это написано в 16 лет. Через два года: "Здравствуй, мое Одиночество, Мой неизменный друг. Мне в самом раннем отрочестве Открылся твой замкнутый круг. И это странное счастье Пытаюсь в себе сохранить, Чтобы единственной страсти -

Звукам - себя посвятить". Окажется, страстей больше.

И мысль и чувство с детства - в постоянной работе.

Из многообразия шумов и красок она умеет выбирать - одни по ассоциации, другие по контрасту, но и себе не всегда может объяснить, почему одно требует записи нотами, другое - буквами, третье - красками... "Быть может, звук важнее слова, А интонация - стиха. Всему венец, всему основа, Всему предтеча - тишина...". Как точно, правда? Между беспорядочным шумом и началом гармонии есть миг беззвучия - в тишине зарождаются и первая музыкальная фраза и первая стихотворная строка. Вот уже пальцы заскользили по клавиатуре. Любой хороший музыкант умеет "разговорить" свой инструмент. Лера умеет больше: она и в Слове может поведать тому же роялю о сомнениях и надежде. Тут я не могу нарушить форму оригинала:

*...Рояль. Струны дробленным золотом
Сыплют из пригоршен звуки,
И тональность гармонии сколота
На ключи, нотыосцы и руки.*

*Что же нужно, чтоб быть счастливым?
Ты лишь мне доверился, правда?
Бродят в недрах твоих строптивым
Стадом пальцы в поисках лада.*

*Мои руки по локоть в бемолях.
Что же делать мне, друг мой крылатый,
Если Время держит в оковах
Нарождение новой сонаты.*

*Я тебе изменяла со Словом,
С типографскою книжною краской.
И великим молчанием скован,
Ты прощал и встречал меня лаской.*

*Моя жизнь - из ломаных линий,
Из мелодий предгубного шепота...
Лишь тебе я доверю отныне
И навеки сердечную оторопь.*

Правильно, ведь мой заголовок взят отсюда, а написано в Нью-Йорке.

...Куклы остались в России. Знала бы, что уезжает навечно, может, и взяла бы с собой хоть одну, самую любимую, да и книги тоже. Но на десять дней лететь в Америку и нагружать себя багажом? Лера сложила в рюкзак самое необходимое

НЕУСПЕХ ЛИОНА ФЕЙХТВАНГЕРА

Александр ГОРДОН

Национальный невроз

Эмансипация подвергла еврейский народ тяжелому испытанию. Вышедшие из гетто и местечек евреи оставляли свой образ жизни, отставляли в сторону веру отцов, ослабляли связи с традицией. Они подражали коренному большинству, играли по незнакомым правилам, чтобы включиться в недоступную для них ранее жизнь. Сильное желание жить по-новому, "как все", потрясло нацию, вывело ее из состояния равновесия, в котором она находилась сотни лет. Активное участие в жизни других наций, ранее неведомое евреям и отвергаемое религией и традицией, давление на коренные нации для вхождения в их жизнь, стремление завоевать достойное место в обществе и загладить "вину" за обособленность привели евреев к многочисленным конфликтам с обществом, особенно в периоды революций и войн, которыми была богата первая половина XX века. В долгой, сложной и печальной послеэмансипационной истории евреи не раз энергично пытались устранить свою аномалию, солидаризируясь с ультралевыми и ультраправыми течениями и настроениями. После многовекового аутсайдерства и отчуждения от коренных жителей они хотели участвовать в переменных и катаклизмах в обществе на равных правах. Стремление евреев разделять взгляды правых, имевшее место в основном в германоязычном мире, было нивелировано самим национальным характером немцев. Солидаризация евреев с тевтонским духом, выраженная в мировоззрении и деятельности таких выдающихся людей, как Вальтер Ратенау и Фриц Габер, была трагическим недоразумением, результатом искаженного взгляда на место евреев в германском мире. "На совести у немцев - национализм, самый варварский, самый безумный недуг из всех существующих, тот *pevrose nationale* (национальный невроз), которым больна Европа. Германия лишила Европу рассудка, отняла у нее разум".

Это изречение Фридриха Ницше является эпиграфом ко второй части книги Лиона Фейхтвангера "Семья Опперман". Хорошо разбиравшийся в немецком национализме Ницше еще в XIX веке понял то, чего не поняли многие образованные евреи в XX веке, а особенно в начале одной из самых жестоких и бессмысленных войн человечества - в начале Первой мировой войны. Евреи, деятели немецкой культуры и науки, оказались мало восприимчивыми ко злу и опасностям германского национализма. Они считали эмансипацию началом участия евреев в жизни немецкого общества, тогда как она спровоцировала конец еврейской общины Германии. Немецкоязычный писатель,

еврей Якоб Вассерман, вдохновленный началом Первой мировой войны, писал: "Я предвижу большую победу Германии и германизма; Германия становится мировой державой, да хранит нас Бог от чрезмерной гордости!.. Нет сомнений, что высший дух реет над Германией".

Философ-еврей Герман Коген, лекции которого слушал в Марбурге Борис Пастернак ("Тут жил Мартин Лютер. Там братья Гримм. Когтистые крыши. Деревья. Надгробья", Б.Пастернак, Марбург, 1916), представлял евреев частью германского мира, приписывая им германофонию, "поскольку все основные потенции ума и мышления формируются языком". Он писал о "глубинном братстве между иудаизмом и германизмом".

Вассерман и Коген игнорировали то, что писал об их нации во время войны известный германский философ, один из значительных мыслителей Европы того времени Освальд Шпенглер: "Даже когда (еврей) считает себя частью народа той страны, где он живет, и разделяет его судьбу, как это происходило в 1914 г. в большинстве стран, на самом деле он не переживает это событие как свою судьбу, но он вступает в борьбу за него, рассматривает его как заинтересованный наблюдатель, и по этой самой причине глубинное значение того, за что ведется сражение, остается для него недоступным...". Шпенглер отставлял в сторону рвущихся в борьбу на благо других наций евреев. Стремление евреев принадлежать к германским правам выглядело как адаптационный синдром "молодой" нации, избавляющейся от уз, связывающих ее со старым, "компрометирующим" еврейских германофилов народом. Стремление к ультраправым и ультралевым стала частью национального невроза евреев, обретающих новый облик в старом мире.

Убийство Вальтера Ратенау в 1922 году означало конец еврейского участия в германских патриотических предпряти-

ях. Им оставался лишь интернациональный социализм.

"Умный немецкий еврей стоит у советских дверей, но я не прельщусь его видом, а вдруг он окажется Жидом"

Знаменитые еврейские строители "нашего нового мира" в Германии и России редко умирали своей смертью, чаще они падали под ударами правых или левых представителей коренных наций. Иной была судьба немецкого левого интеллектуала, писателя Лиона Фейхтвангера.

Фейхтвангер прожил сложную жизнь (1884-1958), полную опасностей и успехов. Он был солдатом, заключенным, изгнанником, доктором литературоведения и знаменитым писателем. Нацисты лишили его степени доктора Мюнхенского университета. После Второй мировой войны этот университет вернул ему отнятую степень. Его клеймили и прославляли в Европе и Америке. Его книги издавались огромными тиражами на десятках языков.

Французский писатель Андре Жид, в будущем лауреат Нобелевской премии по литературе, симпатизировавший идеям социализма, посетил СССР в 1936 г. В конце этого года вышла в свет его яркая книга "Возвращение из СССР", в которой он критиковал отсутствие свободы мысли, жесткий контроль в литературе и человеческое перерождение в этой стране.

Реакция Сталина была страшной, осуждение Жиды было тотальным и в СССР, и в среде левых западных интеллигентов, таких, как Ромэн Роллан и Лион Фейхтвангер. Немецкий писатель рвался в СССР, как и герой его романа "Успех" Каспар Прекль. И, как Преклю, Фейхтвангеру удалось осуществить мечту и посетить Советский Союз дважды. Накануне второго визита Фейхтвангера в

СССР в декабре 1936 года и под влиянием московской книги Андре Жиды родилась эпиграмма, вынесенная в подзаголовок.

Сталин опасался "умного немецкого еврея". В январе 1937 года он больше трех часов "обрабатывал" немецкого писателя во время их встречи в Москве. И диктатору удалось убедить Фейхтвангера в правоте советского строя. "Когда из этой гнетущей атмосферы изолгавшейся демократии и лицемерной гуманности попадаешь в чистый воздух Советского Союза, дышать становится легче... Как приятно после несовершенства Запада увидеть такое произведение, которому от всей души можно сказать: да, да, да! И так как я считал непорядочным прятать это "да" в своей груди, я и написал эту книгу", - писал Фейхтвангер в книге "Москва. 1937".

Фейхтвангер не был сторонником франкфуртской школы, критиковавшей и отрицавшей буржуазную демократию и западную цивилизацию, но взгляды "франкфуртцев" ко времени его визита в Москву уже стали *bon ton* (хорошим тоном) в среде деятелей искусства на Западе. Отчуждение от капитализма и демократии было для Фейхтвангера равнозначно симпатии к их альтернативе - к советскому режиму. Он отталкивал от себя все, что беспокоило его в Советском Союзе, и давал благожелательную трактовку палацеским мероприятиям Сталина, "правильного" революционера, так сильно отличавшегося от "неправильных" баварских революционеров, хорошо знакомых писателю по Мюнхену 1918 г.

В книге "Москва. 1937" Фейхтвангер описывал слепоту германских вождей-евреев: "Некоторые руководители германской революции, как Курт Эйсер и Густав Ландауэр, имели, правда, в миниатюре, немало общего с Троцким. Упорная приверженность к догме, неумение приспособиться к изменившимся условиям, отсутствие практически-политической психологии сделало этих теоретиков и доктринеров только на очень короткое время пригодными к политическим действиям. Большую часть жизни они были хорошими писателями, а не политиками".

Фейхтвангер тоже большую часть жизни был хорошим писателем, а не политиком. Поэтому Сталин легко обыграл его. Он навязал немецкому писателю розовую картину победившего социализма. Сталин также внушил Фейхтвангеру мысль о сходстве между Троцким и вождями баварской революции Эйсером и Ландауэром по оторванности от масс. Аналогия, навеянная беседой со Сталиным, не была понята немецким писателем до конца - он не увидел сходства конца жизни этих героев: Эйсера и Ландауэра убили "народ", то есть мюнхенская чернь. Троцкий, следовательно, уже был приговорен к смерти "народом", то есть почитаемым Фейхтвангером

Сталиным. Троцкий был убит в Мексике через три года после окончания московских процессов, на которых он был по сути дела осужден. Левых евреев уничтожали в националистической Германии, и в 1937 году их уже начали истреблять в интернациональном СССР, правда, в числе других национальностей. Немецкие правые, германские националисты не простили евреям стремления стать немцами. В СССР левые социалисты не простили евреям их выдающуюся активность и лидирующую роль в переделке их страны. Фейхтвангер, симпатизировавший социалистическому режиму, закрывал глаза на пожирание им личности в СССР. Он видел перед собой лишь одного врага - правых экстремистов, нацистов. Однако озабоченность еврейской проблемой заставляла его задуматься над еврейским аспектом московских процессов.

Еврейский вопрос

Доктор Лион Фейхтвангер родился в ортодоксальной еврейской семье, получил начальное еврейское образование, изучал Тору и иврит, однако не исполнял религиозных обрядов. Он получил докторскую степень за анализ неоконченного произведения Генриха Гейне "Бахарахский раввин" и написал несколько романов на еврейскую тему - "Иудейская война", "Сыновья", "Настанет день", "Успех", "Семья Опперман", "Еврей Зюсс", "Еврейка из Толедо, или Испанская баллада", "Иеффай и его дочь". Фейхтвангер был космополитом. Его можно охарактеризовать словами, которые он нашел для главного героя его "Иудейской войны", еврейского писателя и историка Иосифа Флавия - "космополит умом и националист сердцем". Дуальность, которую Фейхтвангер приписывал Иосифу, была свойственна ему самому. Он был "гражданином мира", но его духовный мир был заполнен библейскими образами и еврейскими обычаями. Хотя он был против сионизма, его космополитическая позиция в 1930-е гг. ослабела и стала окрашиваться в национальные цвета. Эти его колебания отражены в статьях "Исторический процесс евреев" (1930) и "Национализм и еврейство" (1933). Фейхтвангер рано почувствовал опасность антисемитизма и показал ее в памфлете "Разговор с Вечным Жидом" (1920). Роман "Еврей Зюсс" вырос из полемики Фейхтвангера с антисемитским рассказом немецкого детского писателя Вильгельма Гауфа, автора "Маленького Мука" и "Карлика Носа". Фейхтвангера пугал неизбывный германский национализм. Он искал решение еврейского вопроса и с интересом изучал жизнь евреев в СССР 1937 г.

В книге "Москва. 1937" Фейхтвангер посвятил много места анализу еврейской проблемы в СССР. Из того, что он написал на еврейскую тему, следует вывод о том, как он плохо понял страну победившего социализма, "социализма", победившего человеческое достоинство и распространявшего ложь о решении еврейского вопроса.

"В том, насколько здорова и действитель-

на национальная политика Советского Союза, меня лучше всего убедил примененный Союзом метод разрешения трудного, казавшегося неразрешимым еврейского вопроса... Советский Союз... ассимилировал большую часть своего пяти-миллионного еврейского населения и, предоставив другой части обширную автономную область и средства для ее заселения, создал себе миллионы трудолюбивых, способных граждан, фанатически преданных режиму... Таким образом, если хозяйственное развитие Советского Союза, с одной стороны, благоприятствовало ассимиляции евреев, то с другой - Советский Союз, окончательно ликвидировав тезис о "вредной иллюзии еврейской народности", дал возможность своим евреям сохранить их национальность".

Вариации на еврейские темы

У Фейхтвангера было несколько причин для поездки в Москву в 1937 г. Наиболее известная причина - его левые, просоциалистические взгляды. Другая причина - интерес к еврейскому вопросу и к тактике поведения евреев-лидеров СССР: какой тип вернее служит нации - придворный еврей Иосиф Зюсс Оппенгеймер из его книги "Еврей Зюсс"; Иегуда ибн Эзра, фаворит короля Альфонсо VIII из "Испанской баллады"; ассимилировавшийся и отошедший от народа историк и писатель, сотрудничавший с римлянами, Иосиф Флавий из трилогии "Иудейская война"; Иеффай, вождь и борец за национальные интересы из романа "Иеффай и его дочь"; или поэт еврейского происхождения Эрнст Толлер, изображенный писателем в романе "Тысяча девятьсот восемнадцатый год" (1920) под именем Томаса Вендта? Фейхтвангера интересовало то, каким должен быть выдающийся еврей среди неевреев - благородным поборником справедливости, как руководитель баварской революции Эрнст Толлер, не сумевший удержать людей "от озверения" и отказавшийся от власти, или Зиновьев и Каменев, еврей-вожди, глубоко вошедшие в жизнь коренной нации и в ее революцию и шедшие с ней до конца, до конца своей жизни, завершившейся казнью.

Фейхтвангер желал присутствовать на судебных процессах, на которых, по указанию Сталина, были обвинены социалистические вожди с мировым именем - Григорий Зиновьев, Лев Каменев и Карл Радек. Преследования евреев нацистами, по-видимому, возбуждали подозрения Фейхтвангера в переносе заразы германского антисемитизма на Советский Союз. В течение восьми дней судебного процесса над Радеком Фейхтвангер молча сидел в зале и нервно двигал пальцами. Возможно, судьба Зиновьева, Каменева и Радека напомнила ему трагический конец еврея Зюсса. Не исключено, что именно во время этого судебного процесса Фейхтвангер размышлял на свою излюбленную тему:

"Много лет назад мне было чрезвычайно важно показать путь человека, который переходит от действия к бездействи-

ю, от активности к созерцанию, от европейского мировоззрения к индусскому. Проще всего было бы воплотить эту идею развития личности, обратившись к современности: к истории Вальтера Ратенау. Именно это я и попытался сделать, но потерпел неудачу. Тогда я отодвинул мой сюжет на двести лет назад, попытался изобразить путь еврея Зюсса Оппенгеймера - и приблизился к цели". Фейхтвангер был озабочен горькой судьбой еврейского вождя Вальтера Ратенау, убитого чернью как еврея, "сионского мудреца", не достойного, по мнению масс, быть лидером германской нации. Ратенау разделил судьбу Зюсса Оппенгеймера. Разделили ли евреи Зиновьев, Каменев и Радек судьбу еврея Зюсса?

Над московскими судебными процессами витал призрак главного вождя социализма, еврея Льва Троцкого, "Иудушки" Троцкого, по ставшему популярным высказыванию Ленина. Ленин сравнивал Троцкого с Иудушкой Головлевым, героем романа М.Е.Салтыкова-Щедрина "Господа Головлевы". Сталин под "Иудушкой" имел в виду Иуду Искарриота. Все осужденные признали себя агентами "предателя" (Иуды) Троцкого.

Мог ли Фейхтвангер поверить в правдивость следующей реплики Сталина, произнесенной в их беседе 8 января 1937 года: "Некоторые люди не верят, что Троцкий и Зиновьев сотрудничали с агентами гестапо. А их сторонников арестовывают вместе с агентами гестапо. Это факт. Вы услышите, что Троцкий заключил союз с Гессом, чтобы взрывать мосты и поезда и т.д., когда Гитлер пойдет на нас войной. Ибо Троцкий не может вернуться без поражения СССР на войне"?

Разве мог писатель, написавший роман "Семья Опперман" о политике нацистов по отношению к евреям, поверить в сотрудничество гестапо со знаменитыми евреями-коммунистами Троцким и Зиновьевым? В этом сообщении Сталина все было невероятно. Нацисты доверяют Троцкому и Зиновьеву и сотрудничают с "презренными" евреями в борьбе против большевистского "еврейского" режима?!. Нацисты заключают компрометирующий их союз с лидерами коммунистического движения, находящимися у всех на виду?!

Книга немецкого писателя о Москве 1937 г. была лживой. Эта была та самая история, о которой писал убитый в 1933 г. нацистами еврейский философ Теодор Лессинг: "История - это попытка придать смысл бессмысленному". Самооговоры еврейских вождей, пытаемых и изымаемых Сталиным из того, что он считал Историей, историей большевизма, правды и победы, выглядели фантазмагорией. Бред о предательстве распинаемых, построенный лишь на их признаниях, не уживался в мозгу Фейхтвангера с его представлением о "новом мире". Он не мог понять происходящее до конца, ибо еще не встречал в своей жизни такой бездны коварства. Однако поверить в сотрудничество евреев Троцкого, Зиновьева, Каменева и Радека с нацистами Фейхтвангер не мог. Тем не менее писатель принял правила сталинской игры,

"придал смысл бессмысленному".

В своей книге 1937 г. Фейхтвангер описывает СССР как Землю обетованную для евреев. Читая запись беседы Сталина с Фейхтвангером, невозможно понять, как немецкий писатель мог не заметить перед собой диктатора, демагога и лжеца. Фейхтвангер не проявил "мудрость чудака" (название его романа о Жан-Жак Руссо). Книга Фейхтвангера "Москва. 1937" была ошибкой и заблуждением одного из самых прозорливых писателей первой половины XX века либо подделкой, навязанной ему единственной силой, противостоящей фашизму. Героиня "Испанской баллады" королева донья Леонор бросает своему мужу королю дону Альфонсо: "Почему твоя наложница и ее отец не укрылись за стенами иудеи вместе с другими евреями? Бог поразил их слепотой". Казалось, Фейхтвангера поразила слепота.

Приведенный "еврейский" отрывок из "Москвы. 1937" больше напоминает мечтания, чем реальность. У Фейхтвангера не было достаточного числа фактов для его выводов. Это была его фантазия на еврейские темы. Немецкий писатель скорее описал то, какой должна была быть судьба советских евреев, чем ее реализацию. Его описание больше похоже на мечту о нормализации жизни еврейской общины Германии, чем на устройство судьбы советских евреев. Фейхтвангер выглядел утопистом. Описавший трагедию немецких евреев в "Семье Опперман", он в 1937 г. понимал, что еврейская община Германии агонизирует. Фейхтвангер, политический иммигрант, изгнанник, которого лишили немецкого гражданства, имущество которого конфисковали, библиотеку которого сожгли, за голову которого была объявлена награда в 10000 марок, опасался за судьбу немецких евреев. Надежда на спасение была слабой, оставалась мечта.

В "гнетущей атмосфере изолгавшейся демократии"

Было ли "да" Фейхтвангера "чистому воздуху" 1937 года в СССР наивностью или поощрением единственной силы, противостоящей нацизму? В мемуарах второй жены Исаака Бабеля Антонины Пирожковой "Годы, прошедшие рядом, 1932-1939" рассказывается следующий эпизод: "Лион Фейхтвангер приехал в Москву и пришел к Бабелю в гости. Это был светло-рыжий человек, небольшого роста, очень аккуратный, в костюме, который казался чуть маловатым для него. Разговор шел на немецком языке, которым Бабель владел свободно... После ухода Фейхтвангера я спросила Бабеля, что особенно интересного сообщил наш гость? - Он говорил о своих впечатлениях от Советского Союза и о Сталине. Сказал мне много горькой правды". В пересказе Пирожковой Бабель услышал от Фейхтвангера не сладкую ложь об СССР и Сталине, как принято считать, а "горькую правду".

Илья Эренбург, встречавшийся с

"КРИПТО" ХИРУРГОВ ВИШНЕВСКИХ

Белла КЕРДМАН

Начну издалека. В пору совнархозов (1957-1965 гг.) я работала в одесской молодежной газете. И это было золотое времечко для нашего коллектива, весьма амбициозного - под стать родному городу, где говорили: "Москва, конечно, первый город в стране, но и Одесса не второй!". В нашей конторе, соответственно, утверждали, что если "Комсомольская правда" - первая молодежная газета страны, то наша "Комсомольская искра" - тоже не вторая!

Так вот, при совнархозе мы стали выходить большим форматом на четыре области: Одесскую, Крымскую, Николаевскую и Херсонскую, стало быть, попали в подчинение не одного, как прежде, а восьми (!) обкомов комсомола: четырех промышленных и четырех сельских. И уже "имели в виду", по-одесски выражаясь, все это увосмеренное комсомольское начальство! Естественно, командировки пошли не только по городам и весям Одесщины, а и всех четырех "щин". Случалось, и по всему Союзу!

И вот, однажды я принесла редактору Григорянцу убойную информацию: на одном из судов Черноморского пароходства только что ушел в рейс врачом выпускник Первого московского мединститута Александр Вишневский, внук прославленного хирурга Александра Васильевича Вишневского, автора популярной мази, и сын не менее известного директора Института того же имени, главного хирурга Советской Армии Александра Александровича Вишневского. А взамен на его место в этот научный центр отправился выпускник Одесского мединститута, врач с черноморского судна. У меня рот до ушей в предвкушении похвалы, но... редактор, смяв в кулаке мой "скуп", швыряет его в корзину. И заходится в крике: "Только сапожник, а не журналист, приносит информацию, когда материал тянет, минимум, на полосу!"

Так. Теперь следует обиженно пожать плечами и, немедленно взяв у секретарши командировочное удостоверение в Москву, вернуться с огорчением на лице в кабинет - пусть этот холерик подпишет, пока не остыл и не передумал.

Помню, была зима: голова Вишневского А.В., родоначальника династии, памятником стоящего во дворе института своего имени, была покрыта нахлобечкой снега, словно белой медицинской шапочкой. Я прибыла к сроку, оговоренному с секретаршей, и остановилась у кабинета Самого. Из-за двери раздавались громкие голоса - там, похоже, ссорились, но слов было не разобрать. Жду, поглядывая на часы, пока закончится бурная аудиенция, и вдруг дверь резко распахивается, и человек с бритым черепом, в генеральской форме орет: "Ты, что ли, журналистка из Одессы?! Да ты должна дверь ногой открывать, если тебе назначено!". Еще один холерик по мою голову...

Переступив порог кабинета, я теряю дар речи. Там летают большие попугаи не-

А.А.Вишневский(второй слева) с коллегами

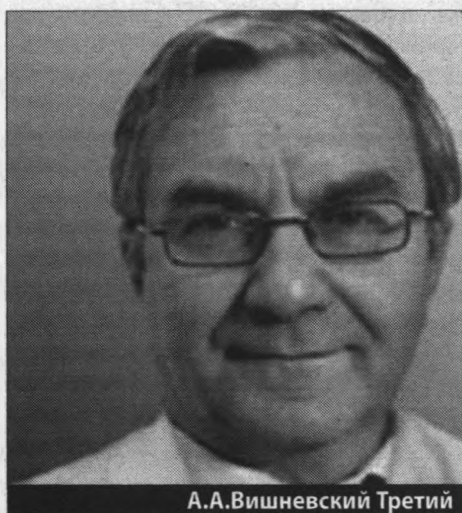
Александр Васильевич Вишневский

Генерал А.А.Вишневский

виданной (по крайней мере, мною) красоты: яркие, сине-зелено-красные, и это они, оказывается, орут. Вишневский смеется, хвалится: мол, вот этих Юрка Гагарин из Индии привез, а этих - Герман Титов из Африки. Возможно, наоборот, уже не помню. Подробностей нашей беседы тоже не помню. О практиканте из Одессы, который временно занял в Институте место его сына, Александр Александрович отозвался положительно. О сыне рассказал немного и как-то сдержанно. Я почему-то решила, что он им мало занимался, если занимался вообще. И только сейчас узнала, что отец приучал сына к хирургии со студенческих лет. И что этот прошедший в Черноморском пароходстве практику Саша, уже Александр Александрович Вишневский Третий стал настоящим хирургом, доктором медицины, профессором, автором или зачинателем ряда новых практик в своей отрасли: он заведовал в институте имени своего деда отделением легочной хирургии. Но директором там не стал. А узнала я все это, и еще многое, от своей новой знакомой - Нелли Когановой, бывшей москвички, которая восемнадцатилетней студенткой-вечерницей МГУ пришла и в течение 34 лет (вплоть до репатриации в 1993 году в Израиль) проработала во Всесоюзном институте хирургии им. А.В.Вишневского АМН СССР. И благодаря этому знакомству я вспомнила о своей давней командировке в столицу.

Профессия сводит иногда с людьми не просто интересными, а широко известными, знаменитыми. Встречи эти, как правило, бывают короткими, разовыми, но в памяти остаются на всю жизнь. И я с интересом выпрашиваю у Нелли, что там было и

А.А.Вишневский Третий

как, а она охотно рассказывает, подчеркивая, что красивый (это ее определение) Институт, где ей посчастливилось работать, был не госпиталем, а солидным научным центром. Достаточно привести цифры: там на 450-500 пациентов было 1,5 тысячи сотрудников! Институт хирургии им. Вишневского выполнял три основные функции: лечебную, научную и подготовку медицинских кадров самого высокого уровня. Он начал работать в ноябре 1945 года, став одним из первых научно-исследовательских медицинских центров и многопрофильных хирургических учреждений в системе Академии медицинских наук СССР.

И вот однажды, набрав в поисковике интернета "хирургов Вишневских", я обнаружила несколько пространных текстов, где их, представителей известной медицинской династии, называют "криптоевреями". Это "крипто", что означает по-древнеречески "скрытый", интернет подчеркнул сейчас волнистой красной линией - мол, такого слова нет. Ну, как же, а "криптовалюта", невесть откуда вывалившаяся недавно в эфир? Что у Вишневских опытные антисемиты откопали еврейский корешок - вполне возможно, сейчас этим не удивишь. Но то, что к их "криптоеврейству" через черточку приставляется клеймо "убийцы русских людей" - это что?! Пресловутое "дело врачей" никуда не делось, живет и процветает?! Как вам заголовок одного из этих текстов: "Александр Вишневский как "криптоубийца" миллионов русских"? Или вот еще: "Вредительское значение хирургической семьи Вишневских в советской хирургии"? И как вам такие цитаты: "Семья Вишневских и их сподвижники-подельники, в полном смысле этого слова, были Холокостом для советских людей. Их фамилия ассоциируется с медицинским геноцидом советского народа"; "Почему одни и те же евреи в США делали все толково, а в СССР - в наихудшем виде? ...в США они за все берут бешеные деньги, и им нет нужды саботировать свои результаты, в то время как в СССР медицина была бесплатной, и эта бесплатность евреев так бесила, что они саботировали всю бесплатную медицину". А передо мной как раз свежая наша русскоязычная газета со снимком израильского солдата с сирийским младенцем на руках и статьей о приграничном госпитале, где еврейские врачи оказывают помощь раненым и больным си-

рийским гражданам. Между прочим, бесплатно, то есть за деньги еврейских налогоплательщиков...

К сожалению, большинство текстов в интернете публикуется анонимно, но два имени все же в этих кровавых наветах присутствуют: проф. Серов Т.П. и проф. Камергерский Т.П. Поиски сведений об этих "профах" тщетны: таких профессоров в российском медицинском мире нет. Иными словами, медиков профессорского звания с фамилией Серов несколько, но с другими именами-отчествами, и "трудов" о "крипто-Вишневских" ни за одним не числится. А "Камергерского" и вовсе нет в медицинской элите. У парочки этой один стиль, так что, скорее всего, это один и тот же антисемит кропает под псевдонимами свои безграмотные по свидетельствам специалистов, "крипто". Вот одна из разоблачительных цитат (из, увы, тоже анонимного, но зато грамотно и доказательно изложенного текста): "Понятно, что приписать этот бред реальному профессору не получится. Даже если он злостный антисемит (в конце концов, вполне компетентные математики академики Виноградов и Понтрягин этим грешили). Просто ни один обладатель медицинского образования (а не только профессор) не согласится подписаться под столь безграмотной чушью, просто чтобы не поставить под сомнение свою репутацию специалиста". Между прочим, в антисемитских постах не только медики. Тут вам откроют глаза на то, что "криптоевреями" были и патриарх Алексей Второй, и дорогой Леонид Ильич, и Хрущев, и даже Суслов, который на самом деле Зюсс. Удивительное дело, однако: почему опасный бред зоологических антисемитов не удаляют из интернета, тогда как даже за перепост "непатриотичного" якобы текста могут оштрафовать или дать срок? Впрочем, уже не удивляет - насмотрелись в "ящике" российского абсурда.

Спрашиваю у Нелли насчет этого "крипто" Вишневских, и вообще, как отразилось "дело врачей" на евреях Института. О том, что жена родоначальника династии была то ли еврейка, то ли караимка, в коллективе знали. В книге талантливого доктора медицины профессора Аркадия Лившица "Жизнь, хирургия, судьба", одно время работавшего в Институте Вишневского, есть тому подтверждение: он слышал о матери-караимке от самого Александра Александровича. А что до "дела врачей", то

Нелли оно не коснулось: она поступила на работу в одну из лабораторий Института в 1958 году, когда гнусное сталинское "дело" осталось позади. Но о нем помнили: тогда из Института были изгнаны все евреи, за исключением трех. Причем, оставили их по сугубо правовым обстоятельствам: это были инвалид войны Б.М.Цукерман, беременные Р.С.Винницкая и И.Я.Учитель. И хотя во время хрущевской оттепели А.А.Вишневскому удалось пополнить свой коллектив определенным числом высокообразованных талантливых ученых-евреев, неуверенность в завтрашнем дне у лиц, меченых "пятой графой" в паспорте, ощущалась. Проблемой для еврея оставалось продвижение по служебной лестнице не только по мере наработки стажа, но даже после защиты кандидатской или докторской работы (что само по себе было отдельной большой проблемой).

А вскоре прием на работу в Институт лиц "пятой графы" стал трудно разрешимой задачей не только для отдела кадров, а и для самого А.А. Та же Нелли после защиты кандидатской (1972 г.) на долгие годы застряла в звании младшего научного сотрудника при реальном исполнении функций старшего. И только в 1988 году, минув эту ступень кадровой лестницы, она стала "ведущим научным сотрудником" - как раз такое новое звание ввели в табель о рангах ученых.

При всем том о своем многолетнем пребывании в Институте Вишневского Нелли вспоминает с благодарным трепетом. После одиннадцати месяцев бесплатной работы в лаборатории клинической физиологии она получила место лаборанта. Как интересно было жить этой работой с первого дня в Институте! Она занималась, в частности, исследованиями функций дыхания и кровообращения у пациентов с различными заболеваниями, главным образом, с пороком сердца, легочными проблемами в условиях лаборатории, операционной, на разных этапах послеоперационного периода. Между прочим, Н.Когановой довелось поработать и в составе высокогорных научных экспедиций на Памире и в Приэльбрусье. Целью исследований которых было изучение патофизиологии дыхания и кровообращения в условиях гипоксии - разреженного воздуха).

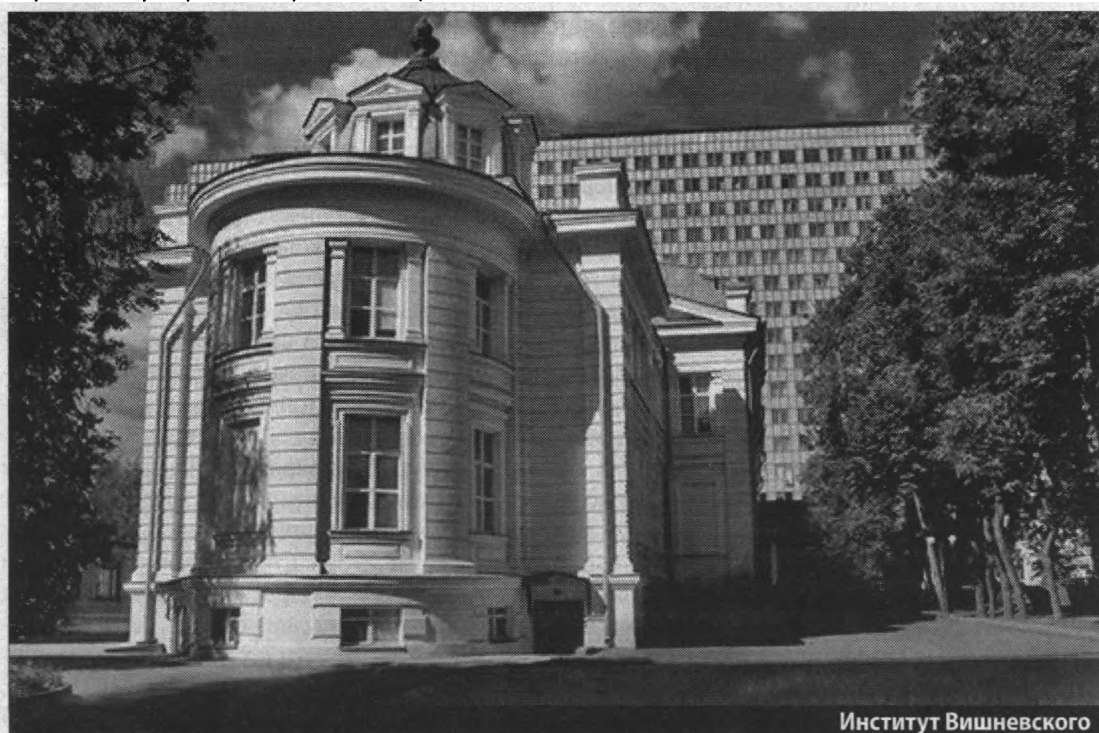
О директоре Александре Вишневском моя новая знакомая рассказывает с большим пиететом. Авторитет его как хирурга был очень высок. Он далеко продвинулся в работах над проблемами сердечно-сосудистой хирургии, где, в частности, добился революционных результатов: в 1953 году первым в мире провел операцию на сердце по по-

воду митрального стеноза под местной анестезией, а два года спустя - с помощью отечественного аппарата искусственного кровообращения. За заслуги в области местного обезболивания - в 1955 году А.А. осуществил первую в СССР успешную операцию на "открытом сердце" - Вишневский был удостоен международной премии имени Лериша как самый гуманный хирург в мире. Он не был узким специалистом, подчеркивает моя собеседница, делал самые разные операции. Вставал к хирургическому столу не только ради редкого, особого случая или высокопоставленного пациента. "У него были особенные руки, - рассказывает Нелли. - Я всегда узнавала их среди всех, когда наблюдала за операцией извне. Я и сейчас узнала бы эти руки".

Я спросила ее насчет атмосферы в коллективе - "дело врачей" ведь собрало щедрую жатву в стенах Института. В ответ услышала: хотя о существовании так называемого государственного антисемитизма все знали, антисемитских проявлений, инициированных руководством или сотрудниками при директорстве Вишневского, не было.

Видела ли Нелли антисемитские поклепы на Вишневских в интернете? Да, разумеется. Но именно видела, глянула "по диагонали". Вчитываться в этот гнусный малограмотный бред, источающий животную ненависть клеветников, не стала.

А я прочитала, внимательно. Признаться, меня поначалу удивило не только то, что писанину этих стукачей не убирают из интернета, а и то, что серьезные люди (явно медики), скрупулезно, пункт за пунктом, опровергают кровавый навет. Мечут бисер перед... Дескать, как можно обвинять фронтовых хирургов А.В. и А.А. Вишневских в том, что погибших в результате ранений советских бойцов в разы больше, чем раненых американцев, без учета условий, в которых воевали те и другие, в которых работали те и другие врачи, где и как содержали тех и других раненых и т.п.?! Однако, перечитав разъяснения специалистов, разоблачающих поклепы антисемитов, я поняла: не для них, этих "профов", писаны такие тексты, а для доверчивых, несведущих в медицине пользователей, кому на глаза попадет их злостный бред. Признаюсь, что поспрашивала сейчас знакомых врачей насчет мази Вишневского, а также местной анестезии, которую "Серов" и "Камергерский" объявили "главными орудиями целенаправленного убийства раненых советских воинов". И получила ответ: при лекарственном "безрыбье" и тех условий, в которых работали врачи советской армии, эта мазь и введенная в практику Вишневскими местная анестезия спасли миллионы жизней.

Институт Вишневского

Окончание. Начало на стр.2

Фейхтвангером в Москве, считал, в отличие от Бабеля, что Фейхтвангер ничего не понял в чудовищной сталинской политике. Однако знаток еврейской истории Лион Фейхтвангер разбирался в еврейских судьбах значительно лучше, чем Исаак Бабель и Илья Эренбург. Фейхтвангер не предвидел тотального уничтожения евреев нацистами. Однако он хорошо знал, что происходит с евреями в Германии и видел их бегство из-под власти фашизма. Возможно, он предполагал, что

нуждавшийся в кадрах для своего строительства СССР примет евреев, спасающихся от нацизма. Фейхтвангер не был слепым глупцом, как полагал Эренбург. Он уже в 1930 г. (год публикации романа "Успех") знал, что такое фашизм. Стефан Цвейг считал, что нацизм победил и потому покончил с собой. Лион Фейхтвангер видел выход. Перед угрозой нацизма он искал достойного противника Гитлера. Он надеялся, что режим национал-социалистов может ослабеть или пасть в схватке с СССР. Фейхтвангер ни на минуту не забывал, что он не только немецкий писатель, но и еврей. Во время беседы с ним Сталин ни на минуту не забывал о еврейском нюансе в деле и о том, что Фейхтвангер - еврей:

"Сталин. ...Когда спрашиваешь, почему они (Зиновьев, Каменев и Радек. - А.Г.) сознаются, то общий ответ: "надоело это все, не осталось веры в правоту своего дела, невозможно идти против народа - этого океана. Хотим перед смертью помочь узнать правду, чтобы мы не были такими окаянными, такими иудами". Это не обычные преступники, не воры, у них осталось кое-что от совести. Ведь Иуда, совершив предательство, потом повесился.

Фейхтвангер. Об Иуде - это легенда.

Сталин. Это не простая легенда. В эту легенду еврейский народ вложил свою великую народную мудрость".

Иуда Искариот был евреем и одним из самых известных предателей в истории. Сталин сравнивал высланного из СССР Троцкого, осужденных Зиновьева и Каменева и пока еще только обвиняемого Радека с этим самым красочным образом предателя, причем предателя-еврея, и хвалил еврейский народ, к которому принадлежал гость, за его "мудрое" изобретение. Андре Жид не был евреем. Его нападки на Советский Союз не были восприняты как козни мирового еврейства. Если бы Фейхтвангер присоединился к критике французского коллеги в адрес СССР, это могло бы быть расценено Сталиным как еврейский заговор. Фейхтвангер не мог рисковать открытием второго фронта против евреев, советского фронта в дополнение к нацистскому.

Лион Фейхтвангер умер в предместье Лос-Анджелеса Пасифик-Полисаде в 1958 г. Он успел узнать подлинную цену сталинской политики по отношению к евреям и к нему лично. Во время кампании против "космополитов" 1949 г. из ранга "прогрессивного писателя и друга СССР" он был переведен в разряд "прожженных националистов и космополитов" и "литературных торгашей". Фейхтвангер узнал, что его космополитический идеал стал клеймом позора, поставленным на советских соплеменниках его московским собеседником, гений которого он преувеличенно восхвалял в 1937 г.

Однако вряд ли он был существенно удивлен подобным развитием событий. "Умный немецкий еврей" больше не стоял у советских дверей, не стучался в них, и ему нечего было узнавать и проверять - все было ясно. Он не переселился в Германскую "Демократическую" Республику, где он был одним из самых публикуемых и почитаемых писателей и где ему вручали почетные национальные премии и славословили. Невзирая на похвалы в адрес социалистической "демократии" в его книге "Москва. 1937", он с 1940 г. до самой смерти жил в США, то есть предпочел "несовершенства Запада", "гнетущую атмосферу изолгавшейся демократии и лицемерной гуманности" "чистому воздуху Советского Союза" и социалистической Восточной Германии (в кавычках цитаты из московской книги Фейхтвангера).

Желающие приобрести книгу Александра Гордона "Безродные патриоты" могут обратиться по адресу algor.goral@gmail.com

Окончание. Начало на стр.1

Лера Ауэрбах и Женя Кисин рассматривают партитуру Лериного концерта для фортепиано с оркестром "Реквием тысячелетию", 2006

и... взлетела. Это случилось в 1991 году. Без мамы, без папы, из Челябинска, из Сибири оказалась в чужой стране, не только далеко-далеко от привычного пространства, но и уклада жизни. Было ей 17 лет.

Тот год был как карусель. Или чертовое колесо? Она еще не знала. Когда взметнет на верхотуру, под небеса, и гадаешь, спустишься ли на землю, не разобьешься ли на спуске?

Я впервые услышала ее имя году в 1992-м или 93-м.

О своей талантливой племяннице рассказала мне ее тетя, тоже музыкант - пианистка и преподаватель музыки, тогда новая репатриантка Наташа Харлап. Ее сестра с мужем, Лара и Лев, в Челябинске, а их дочка далеко, в Америке, и одна. Лерина мама тревожилась о дочери из Сибири, а тетя - из Израиля. Но талантливая девочка росла, успехи ее множилось, и тревога стала перемежаться гордостью и за Лерину смелость и за ее успехи.

Родилась Лера Ауэрбах 21 октября 1973 года. Этот день ознаменовался победой Израиля в Войне Судного дня, Йом-Кипур. А по еврейскому календарю ее рождение пришлось на седьмой день праздника Суккот - Хошана Рабба. Считается, что именно в этот день подписывается наш приговор - определяется Судьба. Чуткую душу такие совпадения волнуют. Я пойму это, когда поговорю с Лерой - через океан...

"Я очень долго пыталась понять, что для меня важнее. По гороскопу я - Весы и, когда думаю о себе, представляю, что иду по канату над бездной, держа в руках две полные чаши: одну - музыкального, другую - литературного творчества. А под ногами у меня - канатная дорожка в виде клавиатуры рояля, который должен быть рядом. Когда-то перевешивает одна чаша, когда-то - другая. Но равновесие между ними должно сохраняться, потому что, лишаясь одной, я чувствую опустошение и знаю, что могу сорваться. Мой дед, Исаак Ауэрбах (на Западе она давно Ауэрбах. - Ш.Ш.), был довольно известным поэтом, у него была самая большая библиотека в городе. Мама преподаватель музыки. Папа, правда, инженер, но и

он не чужд литературы... В чем-то я не изменилась с того времени, когда мне было шесть лет".

Тогда еще я родителей Леры не знала, даже их фотографии увидела только после личного знакомства, когда они в 2011-м приезжали в Израиль...

В четыре года Лера написала первые стихи, точнее, песню, и почему-то о смерти. Тогда же стала заниматься на рояле и сразу сочинять музыку. В восемь лет выступала с оркестром, в 12 - ее оперу "Подарок для Снегурочки" (и музыку, и либретто) - поставил Челябинский областной оперный театр. В 1990-м Лера Авербах - лауреат международной программы "Новые имена". С участниками программы сфотографировался академик Д.С.Лихачев. Лера, строгая, серьезная девочка - белый отложной воротничок, гладкая прическа - бесстрашно стоит рядом с ним. На остальных же фотографиях - с самого раннего детства и до сих пор - волосы каскадом (иногда - пушистая челка над густыми бровями) и светлые лучистые глаза. В том же году она - лауреат первого Всероссийского конкурса молодых композиторов имени П.И.Чайковского.

Дальнейшее похоже на авантюрный роман. Но без выдержек из него - никуда. На том конкурсе ее заметили и заокеанские гости и пригласили выступить в культурной программе международной конференции, которая должна была состояться через год, в 1991 году, в Денвере, США.

Так появился рюкзачок, куда она затолкала свое концертное платье, зубную щетку, еще несколько вещичек и улетила... в другую жизнь. Родители так боялись отправлять ее одну куда бы то ни было, а тут - в Америку. До Москвы с ней поехал папа... Отвез в аэропорт.

У нее не было даже визы. Концерты проходили в штате Колорадо. Из Денвера добраться в Нью-Йорк, а там на самолет и домой - к маме и папе...

Перед отъездом мама дала мне телефон музыканта, с которым они когда-то вместе учились. Он жил в Нью-Йорке. Я позвонила, представилась. Мы встретились, он пригласил своего знакомого дирижера. Я сыграла для этого дирижера,

тот тут же позвонил президенту консерватории Manhattan School of Music, который чудом оказался в Нью-Йорке - стоял июль и почти все на каникулах, в отпусках... Мы приехали в эту консерваторию. Собрались преподаватели, кого нашли в городе, я им играла Бетховена, Шопена, 2-ю сонату Прокофьева, свою пьесу. Все произошло за один день. Меня приняли".

Ее приняли! И она в смятении звонит родителям в Челябинск. Смятение Леры передается и им. И она по телефону - через горы, страны и океаны - убеждает и себя и маму: если она не сделает выбора сейчас... И мама понимает, если не сейчас, то потом, ей, еврейской девочке из Сибири, никогда не добиться разрешения на поездку для учебы в США. Мама, может, это судьба?..

Осталась. Ни денег, ни жилья. И без английского, кстати.

Каждый, приехавший в незнакомое место, ассоциирует себя с этим юным созданием, реально осязает все, чем она делится в стихах: "В Нью-Йорке луна редка, как трамвай. Метро снаружи напоминает сарай Иль отверстие в ад, впрочем, так и есть: Изнутри иль снаружи - это времени месь. Бродят люди иль тени - не разберешь: Сумасшедший, профессор, homeless - бомж, И китаец с гирляндой бенгальских огней Нагадает вам встречу через несколько дней... По субботам в Нью-Йорке обязательно дождь (ближе к вечеру...)..."

Наблюдательная, с острым слухом и таким же зрением, она замечает, и что "Гудзон щекочет своей волной Брюхо Манхэттена", а "Бруклинский мост в землю и в небо одинаково врос", "И ночной сверчок изнемог без ласки. Стрекотал он томно и страшно всю ночь, Превращаясь в дракона посредством тени"...

Да не сверчок - она сама изнемогает без ласки, затерянная в огромном, пока и чужом и страшноватом городе, который и по ночам не стихает, не дает спать, "хочет сиреной, тормозами скрипит". Была взрослой, стала ребенком: "В доме холодно. Хлюпают трубы. И рыдает в ночи половица. Я бурдой обжигаю губы. Не спится..."

Иногда собственное существование в новом пространстве представляется настолько нереальным, фантазмагорическим, что чувствует себя чужой не только пространству, но и времени. Одиночество рано созревшей души. Время для нее не только абстрактный образ. Порою оно бывало единственным живым собеседником. Ни с чем ведь не сравниться чувству высокого парения, когда грустные, давящие мысли и чувства удалось обуздать, и они выливаются в послушные слова, звуки. Тогда это самое Время (всегда с большой буквы!) ты чувствуешь у своего плеча и, кажется, с ним можно тихо перешептываться. И разве странно, что человек, с детства одинаково свободно общающийся сразу со многими Музами, чувствует себя среди людей иным, не похожим на других: "А жизнь все течет куда-то мимо, Меня лишь задевая стороной. И я стою, и ветер пилигримом Скитается, как поводырь, со мной... И я, как прежде, прочно замыкаюсь В са-

Репетируют скрипач Гидон Кремер и Лера Ауэрбах - пианистка и композитор. Лера дебютировала на сцене Карнеги-холла в 2002, исполнив свою "Сюиту для скрипки с оркестром" с Гидоном Кремером и оркестром "Кремерата Балтика". С тех пор они много раз играли вместе

мой себе. И в пестрый хор людской Не вписываюсь..."

Были, бывали минуты, не одна и не две, когда с заоблачных высот творческого горения, улавливания и воспроизведения звуков, или после концерта, ошеломленная собственным успехом, опускалась на землю и мучительно, до слез, хотелось обратно, домой, в "запах маминых рук и волос". Для того, чтобы продолжать и жить и творить, требуется формула. У нее их было несколько: "Замкнуться в своем одиночестве - / Не это ли благодать?..". Но и другая: "Во мне живет чужая боль - / Мои глаза у боли той". И третья - о своем предназначении: "Вся моя жизнь - диалог на один / Со Временем, но диалог без ответа".

Первая книга Леры "Опрокинутый мир" вышла еще в Челябинске в 1991 году. За нею, уже на другом континенте, одна за другой: "Рождение звука" (1992), "Диалог со временем" (1993), "Сороколуние" (1995), "Ступеньки в вечность" (1998). "Ганноверские тетради" (2003).

- Как получилось, что ты до сих пор не побывала в Израиле?

- Мечтаю, очень давно мечтаю об Иерусалиме. Еще и двадцати не было, когда представляла его себе так: "А от звезд шестиконечных Семисвечный легкий дым. Под молитвы человечьи Где-то спит Ерусалим Тяжким древним сном величия..."

Это было давно, еще до приезда в Америку родителей. Не помню, почему заговорили об еврействе. Еврейство понималось только окружением - дом, друзья, помню колыбельную "Ойфн припечек", которую пела бабушка Аля. (И представьте, мы тихо напели ее дуэтом - по телефону). Самая любимая книга? "ТАНАХ. Глубина и мудрость. Я его перечитываю постоянно".

В 1993 году она переводится в знаменитую Джульярдскую консерваторию и одновременно выигрывает Международный фортепианный конкурс имени Игоря Стравинского. Диплом ей подписывает внук композитора. Я уже за хронологией не успеваю. Музыке училась и в Джульярде, и в Ганновере, попутно изучала английскую литературу... Российские евреи гордятся ею как своею

Он - с нежностью, она с обожанием.
Мстислав Ростропович и Лера Ауэрбах

Из писем Льва Авербаха, отца Леры (за 13 лет мы с ним и с Ларой стали родными людьми, к 2018 году в нашей переписке страниц 200, целая книга).

10.3.17

"Шуламит! Давно не имели от Вас вестей, как себя чувствуете, над чем работаете? Мы два дня тому назад приехали из Флориды, где пробыли почти месяц. Лера с Рафаэлем тоже сейчас в Нью Йорке. 1, 2, 3 марта в Линкольн-Центре состоялась мировая премьера нового ле-риноного Концерта для скрипки с оркестром, № 4. Скрипка - Леонидас Кавакос, один из лучших сегодня скрипачей в мире. Концерт имел огромный успех и у публики, и у критики. Трехтысячный зал все три вечера был переполнен. Множество откликов в прессе. Даже The New York Times опубликовала две статьи. А еще в самой престижной галерее Манхэттена открылась выставка Лериных скульптурных работ. Если интересны подробности, вышлем доп. материалы... Лев".

19.11.2017

"...Теперь про балеты. Всего на музыку Леры поставлено, если я не ошибаюсь, восемь балетов". Кроме названных выше, Лев перечисляет: "Faust" - Goyo Montero, музыка Л.Ауэрбах; хореограф балета "Cinderella" ("Золушка") на музыку Леры Terence Kohler, Финляндия, Finnish National Ballet;

"Anne Frank" - Reginaldo Rodrigues de Oliveira; музыка: Шостакович, Шнитке, Ауэрбах, Пухтер; "Medea - Der Fall M" - Reginaldo Rodrigues de Oliveira; музыка: A. Iglesias, M.Richter, L.Auerbach; хореограф балета "Watch her" ("Следи за ней") на музыку Леры - хореограф Aszure Barton, Национальный Балет Канады, Торонто. Специально оригинальную музыку Лера писала только к "Русалочке" и "Татьяне". В остальных балетах использованы музыкальные фрагменты из произведений Леры. Это очень распространенная сейчас практика, когда балеты ставятся на ранее созданную музыку. Лера уже более трех месяцев в Европе, в основном в Вене. Во Флориду возвращаться не может, т.к. дом требует ремонта (после ураганов).

Обнимаю, привет от Лары,
Лев".

И еще из писем Льва: "Премьерные спектакли состоялись в Копенгагене в 2005 году. Королева была на двух спектаклях подряд, Лера была приглашена на прием к королеве. Мы с Ларой в Дании не были, но об успехе можем судить по видеозаписи, овалции превратились в четвертое действие".

Сколько осталось неназванного и нерассказанного: во-первых, конечно, на темы творчества, но и про родителей Леры - чудесных Лару и Леву, про то, что у них есть и очень талантливый сын Игорь, профессор университета в Торонто, они с Региной и дочерью Эми живут в Канаде. А про пожар в нью-йоркской, правда, арендованной квартире, Лев мне писал об этом ужасе, Лера была тогда, кажется, на гастролях, но как пережила такое, и я так и не знаю, сохранилась ли переписка с Иосифом Бродским

Нотный стан. Композитор Лера Ауэрбах

дочерью, американцы и европейцы дивятся таланту "русской звезды - вундеркинда". Публикаций о ней на всех языках - не счесть. И на японском, и на китайском. В Японии давала мастер-класс. Ее музыку там играют. В китайском Далиане оказалась как участник "молодежных лидеров мира" от Всемирного экономического Форума в Давосе. Жерар Депардьё и Евгений Кисин объединились в Монпелье, на фестивале радио Франции, чтобы читать стихи Леры по-французски и по-русски. Я выбираю самые странные события в жизни нашей героини? Не перечисляю ее произведений? Уверена, что когда о ней поставят, допустим, телесериал, то мы, зрителями и туристами, побываем на всех континентах, и даже в Нууке (не знала, что это главный город Гренландии, но Лера участвовала в экспедиции на Северный полюс, добралась до знаменитой Гали Морелл, а там, в Доме для престарелых, починила клавесин XVIII века и устроила для стариков концерт.

Моя радиопередача о Лере Ауэрбах вышла в эфир в 2000-м году, когда я получила от нее по почте и отписки статей, и две книги, и сразу четыре компакт-диска, причем один из них, записанный вместе с Сергеем Юрским, артистом и мастером художественного слова. В предисловии к Лериной книге "Ганноверские тетради" (это уже 2003-й) он говорит об авторе с уважением и, по-моему, нотками удивления: "В ней нет и признаков напряжения, давленности собственными дарованиями... Она легка, она умна, она образованна, она открыта к диалогу. И... гармонична... она для меня опровержение моих тревог, что, дескать, культура вырождается, что деньги и безумие правят миром, что тщеславие пожирает таланты".

Есть, есть у нее и еврейские темы, они в канве многих музыкальных сочинений, есть стихотворение "Исход" ("...и ныне свершается вечный Исход Из Египта в каждом из нас"). Есть удивительная музыкальная молитва, которую она назвала ивритским словом "Тфила". Так это сочинение объявляли и на итальянском фестивале "Стреса" и на американском в Равиньи: "Тфила для скрипки с оркестром". "Как искупить вину мою, Господь, Как разуместь мне - в чем я виновата, Какая мне назначена расплата, За мой несчастный избранный народ? Какой дорожкой прийти к тебе? Твое дыхание колет током пальцы. Когда во мне, отверженном скитальце, Твоя мелодия священная живет"...

или сгорела с книгами и большим архивом... А теперь вот ураганы во Флориде, где обосновалась после пожара...

И прозвенел мой внутренний звоночек. Я поехала с моими друзьями в соседний город, чтобы послушать концерт Леры Ауэрбах для скрипки с оркестром "De Profundis" ("Из глубин", Теилим, 130), в котором Вадим Репин играл с Ришонским симфоническим оркестром. Лере было восемь лет, когда она услышала игру одиннадцатилетнего скрипача по имени Вадик. И тогда же решила, что когда-нибудь напишет для него музыку. Они встретились взрослыми и успешными в Швейцарии, на музыкальном фестивале в Вербье, куда Леру приглашают почти каждое лето. Вадим сказал, что знает ее музыку и рад был бы... И Лера написала для него этот концерт. Все это мне стало известно еще в 2015 году. Зная почти все работы Леры и по дискам и по благословенному компьютеру (Ю-Тьюб), скажу, что была потрясена живой встречей и с могучей музыкой, и как бы с самой Лерой. Отрешилась от всего, как будто в зале только родители Леры - Лара, Лев, я и музыка. Мне кажется, что мои молодые друзья этого катарсиса не испытали. Но я ведь была к нему готова "предисловием", растянувшимся почти на четверть века.

На иврите есть выражение, его приписывают Бааль Шем Тову, которое звучит так: "Капелька света разгоняет густую тьму". На израильской премьере Концерта № 3 "De Profundis" для скрипки с оркестром Леры Ауэрбах я думала именно об этом. Сам Вадим Репин, скрипач мирового уровня, сказал, что

"Концерт безгранично выразительный, глубоко выстраданный. Это не просто удачный концерт: это бомба!". Оглушенная взрывом этой "бомбы", я думала: откуда в Лере Ауэрбах такая сила и такая глубина страданий? Но я же помню, что в четыре года она писала о смерти и с детства жалеет беспомощных стариков. И все-таки человек со вполне счастливой судьбой - и как пропустить через сердце всю эту ярость озверевшего мира, бушующий океан, рушатся стены, города, горы... Новый диалог со Временем - любимая тема Леры и в музыке и в стихах - обрывается вселенским Криком о помощи. Шир амаалот, ми-маамаким кратиха (Песня восхождений. Из глубин взываю к Тебе, Г-споди)... Сколько душевных, мыслительных, физических сил требуется от художника вот так пережить всю историю человечества, включая день сегодняшней. Вязнут ноги в черной густой тьме, ил подбирается к душе, все меньше и меньше мечтателей, идеалистов, фантазеров... И тут... Скрипка начинает говорить человеческим голосом, и я кому-то отвечаю, Лере, что ли: милая, давай умоюсь росой, я вытру твои слезы... далеко-далеко, на озере Чад изысканный бродит Жираф... И откуда-то возникает и начинает бежать ручеек, и оживает и тянется вверх зеленый росток... Вот они, капельки Света, разгоняющие тьму! Творящая это чудо надеется, что мир еще может стать гармоничным? И в нем легче станет жить? Эта музыка поднимает меня ступенькой выше и быта и бытия, дает неизведанную, а может просто давно забытую радость...

ИЗ АКАДЕМИИ "БЕЦАЛЕЛЬ" - В ПАРИЖ И ОБРАТНО: СУДЬБА И ИСКУССТВО ХАИ ШВАРЦ

**Алек Д. Эпштейн
и Андрей Кожевников,**

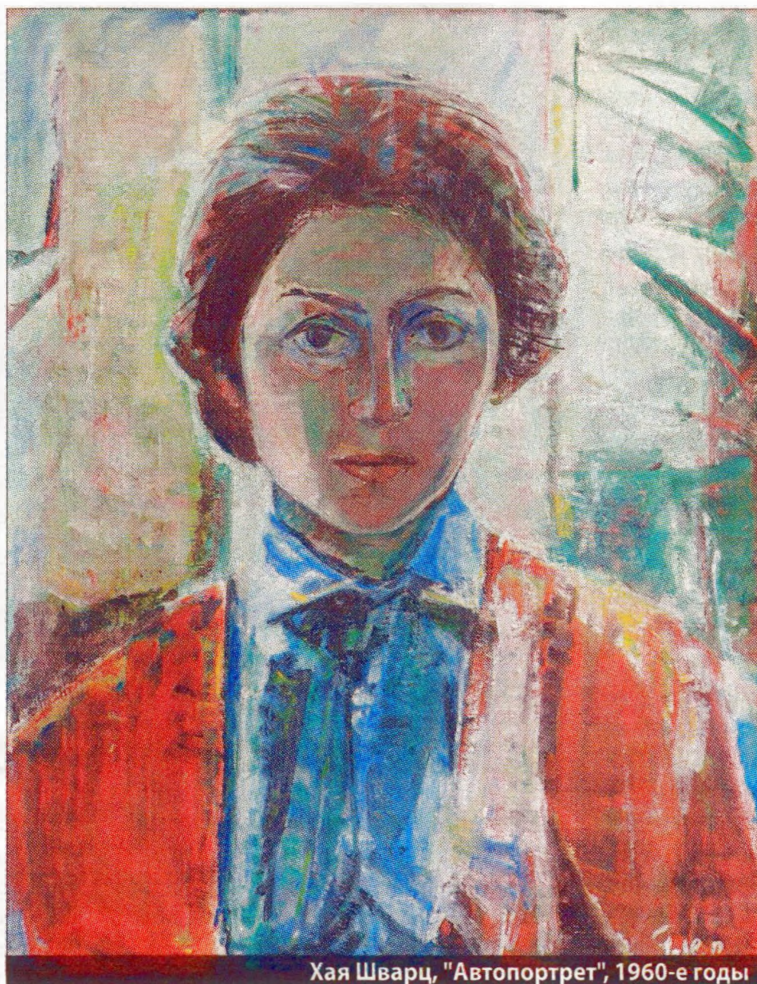
**Центр изучения и развития
современного искусства**

В изобразительном искусстве XX века женщин-моделей было огромное количество, а вот женщин-художниц - считанные единицы; посмертно успех у западного зрителя так называемых "амазонок авангарда" - Александры Экстер, Ольги Розановой, Натальи Гончаровой, Варвары Степановой и Надежды Удальцовой - в значительной мере был вызван именно гендерным фактором, при этом не будет лишним указать, что у трех из последних не менее известными художниками были их мужья - Михаил Ларионов, Александр Родченко и Александр Древин. Среди художников "второго русского авангарда" женщин тоже было крайне мало, и, по крайней мере, в первые годы они находились в тени своих более известных супругов: Валентина Кропивницкая - Оскара Рабина, а Лидия Мастеркова - Владимира Немухина.

Ситуация в Израиле принципиально не отличалась от той, что была в России: женщины-художницы, конечно, работали и в Иерусалиме, и в Тель-Авиве, и в Цфате, но ни в одном из этих городов их число не приближалось к количеству живописцев-мужчин. Циона Таджер, Милия Лауфер, Ципора Бреннер, Генья Каплан, Рут Шлосс и некоторые другие настойчиво отстаивали свое право на бывшую тогда, в целом, "мужской" профессию художника.

Одной из самых ярких представительниц израильской фигуративной живописи была родившаяся в 1912 году в восточной Польше Хая Шварц. Она была одной из семи детей в религиозно-сионистской семье, которая в 1924-1926 годах полностью переехала в Эрец-Исраэль, поселившись неподалеку от тель-авивского побережья.

Хая Шварц с детства любила рисовать, но, будучи девочкой из религиозной семьи (а, как известно, вторая заповедь иудаизма налагает крайне серьезные

Хая Шварц, "Автопортрет", 1960-е годы

ограничения на художественное творчество), боялась рассказать кому-либо о своей тяге к искусству. Счастливым стечением обстоятельств оказалось то, что одним из соседей семьи новых эмигрантов был Мордехай Леванон (урожденный Вайс, 1891-1968) - уроженец города Орадя на территории нынешней Румынии, сам прибывший в Эрец-Исраэль за несколько лет до семьи Шварц. Девушкой Хая подолгу смотрела на то, как бывший тогда уже довольно известный художник на ее глазах создавал новые произведения. В один из дней Хая подошла к нему, попросив его посмотреть и ее работы. Удивление мастера было неподдельным, и он попросил девушку организовать встречу с ее отцом, которому он напрямую сказал, что дарование его дочери несомненно, и ей нужно учиться в Академии искусств "Бецалель", открытой в Иерусалиме за два десятилетия до этого. Зная о сложном отношении религиозных авторитетов к пластическим искусствам, отец Хаи решил переложить ответственность за данный вопрос

на крупнейшего религиозного авторитета того времени раввина Авраама Ицхака Кука, с которым он был лично знаком. К вящей радости Хаи знаменитый раввин не только поддержал ее стремление к занятиям живописью и учебе в "Бецалель", но и пригласил девушку, которой тогда было семнадцать лет, жить в его иерусалимском доме (никаких общежитий студентам в то время не предоставлялось).

С 1929 по 1931 годы Хая Шварц жила в доме раввина Кука и училась в школе искусств "Бецалель" - до тех пор, пока из-за острого экономического кризиса и существенного сокращения объемов пожертвований последняя не была вынуждена закрыться - к счастью, как оказалось, временно. В связи с закрытием школы каждый из студентов искал зрелого, сложившегося художника, учась и работая рядом с которым можно было бы совершенствовать свое мастерство, как бы закончив таким образом программу обучения. В 1931 году Хая Шварц стажировалась у Исраэля Палди (урожденного Фельдмана, 1892-1979), а в

1933 году - у Йосефа Зарицкого (1891-1985). Уже в те годы ее работы принимали участие в выставках в только что открывшемся Тель-Авивском художественном музее.

В 1936 году Хая Шварц отправилась в Париж, где продолжала совершенствовать свое мастерство, а также познакомилась с работавшими в культурной столице Европы еврейскими художниками Мане-Кацем, Михаилом Кикоиным, Хаимом Сутином и другими. В 1937 году Хая вернулась в Эрец-Исраэль, где стала самой молодой из тех, кого приняли в местный Союз художников.

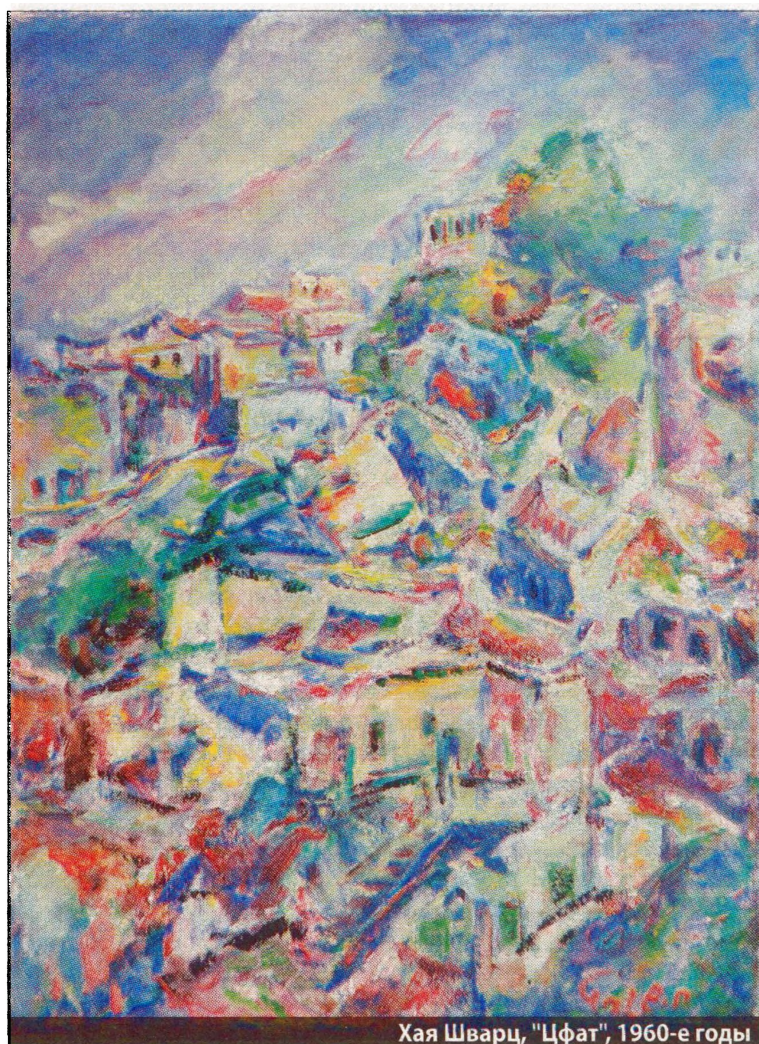
Почти сразу после провозглашения независимости Израиля художники решили создать в нем свой особенный город, выбрав для этих целей древний Цфат. В пятидесятые - шестидесятые годы XX века кто только не жил и не работал там! Одной из тех, чья студия привлекала ценителей экспрессионистской и фовистской живописи, была Хая Шварц; в Цфате она проводила большую часть года на протяжении четверти века.

На картине Хаи Шварц "Цфат" в легких, прозрачных, светлых, но при этом насыщенных и сочных мазках и линиях угадываются извилистые улицы старого города, витиевато спускающиеся по склонам холма, смешивающиеся и сливающиеся друг с другом, будто струи красочного ручейка, играющего солнечными бликами и переливающегося всеми красками лета. Яркие блики, ослепляющие своей звонкой белизной, и лимонно-желтые брызги подчеркивают очертания невысоких каменных домов. Будто сказочные самоцветы, они щедро и пестро рассыпаны по холму, уступы которого поднимаются к горизонту. Они будто бы тают в прозрачной знойной дымке полудня, и ни один из них не похож на другой. Причудливые изжелта-серебристые, нежно-голубые и розовые стены то склоняются к земле, то прислоняются к соседним постройкам, то нависают над тротуаром, а их крыши то поднимаются над всей улицей, то вдруг теряются в побегах плюща. На

картине не видно людей, и здания будто бы сами становятся живыми созданиями, и создается впечатление, что именно в них - вся душа, все переживания и все радости древнего города, согретого неугасимым солнцем. А прохладная синева и красная черепица обрамляют их, разбавляя это многоцветье яркой и сочной зеленью, покрывающей холмистые склоны и оживляющей тенистые дворики, объединяя созданный человеком город и первозданную природу в неповторимой и певучей гармонии умиротворенного солнечного дня. И над всем этим расцветает голубое небо, не тревожимое порывами своенравного ветра, где лениво проплывают невесомые облака, играющие золотистыми и розовыми отсветами, будто барашки на ласковых волнах диковинного полу-денного моря, опрокинутого над городом.

Золотой художественный век Цфата продлился лет двадцать, после чего художники стали постепенно перебираться преимущественно в Иерусалим или Тель-Авив. Хая Шварц перенесла свою мастерскую в тогда только начавший свое возрождение Старый Яффо, где она работала до 1986 года. Она стала первой художницей в этом историческом пригороде Тель-Авива, своим искусством внося важный вклад в его превращение из припортового квартала в богемный район, соединяющий древнее прошлое с космополитическим настоящим тель-авивского мегаполиса.

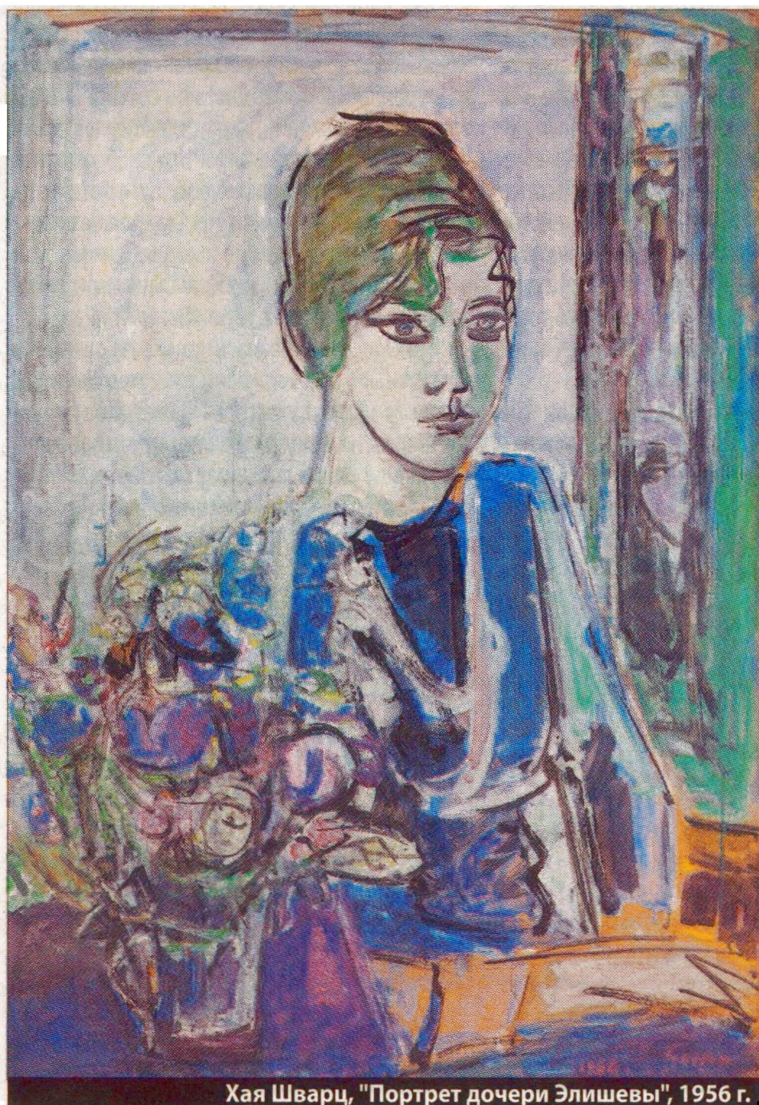
В этой студии Хая Шварц создала ряд замечательных произведений, на одном из которых среди красок и холстов, в кресле возле столика с палитрой сидит героиня в скромном, но аккуратном белом платье, в тени отлившем синевой, освещенная отсветами солнца, с улыбкой на умиротворенном лице, с аккуратно убранными волосами. Справа от нее - высокий мольберт с огромным холстом, на котором изображены диковинные красные, синие и зеленые птицы, слетающиеся в одну стаю в теплом свете на фоне голубого неба. Через широкое окно во всю стену в комнату проникает солнце, но внутри свет рассеивается, он не обжигает и не ослепляет - в прохладной студии он становится мягким и спокойным, ласково согревая и даря умиротворение. И кажется, что рассеивающимся лучам, этому нерукотворному свету, идущему с самого неба, вторит серебристое сияние, исходящее с холста. Солнце в небесах воссоединяет-

Хая Шварц, "Цфат", 1960-е годы

ся с солнцем, созданным искусными руками художницы. Имя женщины на картине не названо, но зритель может угадать в ней саму художницу. Кажется, она отдыхает после вдохновенного труда, отвернувшись от ярких бликов и ласково глядя на

зрителя, словно приглашая его подойти к полотну и первым оценить ее новое творение, погрузиться в уют ее мастерской, не тревожимой полуденным зноем. За окном цветет лето, дует ветерок, горят краски, светит солнце, раскрываются огромны-

Хая Шварц, "Портрет дочери Элишевы", 1956 г.

Хая Шварц, "Художница у мольберта", 1970 г.

ми красочными пятнами диковинные цветы, источающие тысячи ароматов. А здесь, в прохладе мастерской, живет своей жизнью уютный и тихий мир художницы. И именно здесь, в тишине уединенной студии, зритель может прикоснуться этому миру, услышать ее голос, не заглушаемый городской суетой, и стать свидетелем рождения нового произведения искусства - чуда, которое, как и рождение человека, повторяется вновь и вновь, но всегда неповторимо, и навсегда остается в памяти.

В 1944, 1949 и 1960 годах, Хая Шварц была трижды удостоена премии имени Меира Дизенгофа, вследствие чего ее работы каждый раз приобретались для Тель-Авивского музея, где в 1949 году прошла ее персональная выставка (еще одна состоялась спустя тринадцать лет). Ее экспозиции организовывались в художественном музее Хайфы (в 1961 и 1969 годах), в Центре имени Шолом-Алейхема в Тель-Авиве (в 1977 году), в городском музее Петах-Тиквы (в 1983 и 1987 годах) и на других площадках; ее последняя прижизненная персональная выставка состоялась в здании кнессета в 1993 году.

Хая Шварц ушла из жизни в 2001 году. Ее художественное наследие бережно хранит дочь, профессор Элишева Симхен; ей очень повезло - эта ныне уже пожилая женщина навсегда осталась такой, какой ее запечатлела мать на одном из своих самых вдохновенных портретов. На нем зритель видит молодую девушку, сидящую спиной к окну

возле стола, а рядом с ней стоит пышный букет цветов. Образ героини полотна рождается из легких, тонких черных линий, летучих и лиричных, почти неведомых. Ее лицо серьезно и сосредоточенно, а глубокий взгляд направлен куда-то вдаль, прочь от окна, мимо цветов, мимо зрителя, а быть может, вглубь самой себя - но об этом знает лишь она сама. Положив одну руку на стол, не склоняя головы, она погрузилась в созерцательные размышления. Ее фигура выписана широкими, размашистыми мазками, уверенными и волевыми. Весь портрет решен в единой прохладной, задумчивой гамме синего, зеленого, бежево-коричневого с загадочными оттенками морской волны, и потому даже благоуханный букет с огромными фиолетовыми и синими цветами не нарушает целостности полотна. Все цвета и краски оказываются приглушенными, в них нет мимолетного блеска, и в этих приглушенных красках сама форма изображенных предметов и очертания самой девушки, штрихи и росчерки обретают совершенно особенную выразительную силу - именно через формы и линии художница раскрывает свой замысел в этой картине. За окном виднеется белесо-голубое, молчаливое небо, лишенное не только красок, но и движения. В этом оно резко контрастирует с четкими, осязаемыми, энергичными чертами ее лица, неподвижными лишь на первый взгляд, но полных внутреннего

динамизма, живого напряжения, которое читается во всей ее фигуре, в сжатых губах, в широко раскрытых глазах, в аккуратно убранных волосах и даже в волевом жесте руки. И квадратное окно будто обрамляет портрет девушки, создавая тем самым ощущение "картины в картине". Эта лаконичная работа наполнена живой экспрессией: Хая Шварц мастерски создала живой и осязаемый портрет дочери из однотонных штрихов и сдержанных мазков, сквозь которые проступает тонко схваченный и переданный характер самого близкого ей человека.

В настоящее время ведутся переговоры о проведении в Израильском музее в Иерусалиме ретроспективной персональной выставки художницы, именно там, несколько парадоксальным образом, никогда не выставлявшейся. Хочется верить, что эти планы будут реализованы, и одна из самых замечательных последовательниц Андре Дерена и Анри Матисса в израильском искусстве предстанет в главном национальном музее страны во всем богатстве своего творческого великолепия. Несомненно, эта экспозиция будет настоящим подарком ценителям искусства, и как израильтяне, так и посещающие Вечный город иностранные туристы унесут в своих сердцах еще одно яркое воспоминание. Негромкие, но задушевные пейзажи, натюрморты и портреты Хаи Шварц предстают как "послы" лучшего, что было создано "Парижской школой" середины XX века в израильском искусстве, и это наследие, несомненно, сохраняет свое значение и поныне.

И БЫЛ ВЕЧЕР, И БЫЛА СЦЕНА

Ян ТОПОРОВСКИЙ

Однажды (это было в 1921 году) Йегуда Габай - 17-летний репатриант из России - отправился из Хайфы посмотреть Тель-Авив. За короткое время пребывания в Эрец-Исраэль он еще не видел ни улиц этого города, ни его первых жителей, которые, по свидетельству очевидцев, похожи на жителей Одессы - места, откуда Йегуда был родом. Когда выпал свободный день от пробивания в скалах дороги Афула - Нацерет, Йегуда отложил кирку и отправился в путь. В Тель-Авиве он мечтал посмотреть на гимназию "Герцлия". Дело в том, что его мать всю жизнь мечтала, чтобы ее сын Габай поступил в эту гимназию, о которой она однажды вычитала в одесских газетах.

И вот он, Габай, идет по тель-авивским улицам и ищет эту гимназию. Сюрприз поджидал его в самом начале поисков - оказалось, что апельсины в Тель-Авиве удивительно дешевы. И Габай запасся ими на весь день: завтрак, обед и ужин. Апельсины, единственное, что Габай запомнил о Тель-Авиве. То ли он потерял сознание во время своего путешествия, то ли уснул. Но когда открыл глаза, обнаружил, что находится в лодке, которая плывет по Кинерету, а правит ею молодой араб, который сказал Габай, что везет его в больницу.

В больнице врачи говорили только о его болезни - малярии, а на вопрос Габай, где тот, который доставил его, пожимали плечами. А друзья-каменотесы во время коротких перекуров говорили, что происшедшее с ним - скорее всего знак того, что придет час и с Габай произойдет нечто необыкновенное. Никто из них не знал, что на судьбе Габай уже стояла печать лицедейства.

В поисках будущего. В 1925 году в газетах Эрец-Исраэль появилось объявление о наборе в театральную студию "Огель" ("Шатер"), которая открывалась в Тель-Авиве. Дал это объявление актер Моше Халеви, приехавший из Москвы и оставивший там и театр "Габиму" и свою красавицу-жену, актрису Ханну Ровину. Приехал с одним желанием: создать еврейский театр на Святой земле. Причем на иной, отличной от других театров, основе.

Моше Халеви хотел собрать вокруг себя молодежь, не отягощенную знаниями академических законов лицедейства. Так, по его мнению, создается все новое: и новая еврейская страна, и новый еврейский театр, и новая еврейская жизнь.

Моше Халеви искал будущих актеров не только через газету. Он разъезжал по стране, встречался с молодыми репатриантами. Мне неизвестно, как именно встретились Моше Халеви - будущий режиссер театра и Йегуда Габай - в будущем один из ведущих актеров этого театра. Но главное в том, что Габай был принят в драматическую студию, выросшую затем в театр "Огель".

С молодыми студийцами работали известнейшие еврейские деятели. Поэты Бялик и Черниковский учили молодых актеров - выходцев из России и Польши - литературному

Йегуда Габай и Женя Бергер
возле театра "Огель", 60-е гг.

ивриту. К слову, Габай тогда уже знал иврит. Сценическому движению их обучала известнейшая в те годы в Палестине учительница танцев и гимнастики госпожа Орнштейн, которая одной из первых открыла в Палестине студию балета. А музграмоту преподавали им профессор, пианист Шор и композитор Энгель, тот самый, что написал музыку к первому габимовскому спектаклю "Дибук".

Ваш выход, Габай! Это была немного сатирическая и несколько социалистическая пьеса "Даягим" ("Рыбаки", реж. Моше Халеви, музыка - Йозель Энгель, 1927 год). Главную роль - моряка-бунтовщика Герда - играл Габай.

Вот сюжет: заводила Герд поднял революцию, потому что им, рыбакам, дали плохое судно. Все, в том числе и хозяин, знают, что посудина никуда не годится. И все-таки хозяин посылает рыбаков в море. Рыбаки, конечно же, обречены, но перед гибелью они восстают против хозяина-буржуя. В бушующем море, на палубе тонущего корабля, они успевают устроить еще и танцы пролетариата.

"Рыбная" пьеса была в репертуаре театра многие годы. Ее приходили смотреть рыбаки яффского порта, а также хозяева рыбных магазинов и лавочек.

Основатели театра "Огель". Йегуда Габай
(в центре, второй ряд, в клетчатой рубашке). 1925 г.

Через много лет, когда Габай с Женей Бергер - женой, художницей и сценографом - зашли в рыбный магазинчик на Дизенгоф, один из продавцов узнал актера: "Я видел тебя в "Даягим"! - и отобрал для Габай самую лучшую рыбу.

Габай был еще и художником. Он нарисовал свой автопортрет в гриме и одежде своего первого героя. Грим рыбака-заводилы напоминает мне гениальную киноленту "Кабинет доктора Калигари", в которой немецкий экспрессионизм - в каждом кадре и на каждом лице.

В "Даягим", как, впрочем, и во многих других спектаклях, у Габай был дублер - замечательный актер Сеня Цеховал. У него был уже небольшой опыт появления перед зрителями, и, видя, как волнуется Габай, в каком он шоке, порекомендовал ему выпить соточку коньяка перед выходом, объяснив, что так можно почувствовать себя более уверенным.

Габай купил стограммовку, положил в карман и очень уверенно вышел на сцену. Он блестяще отыграл роль молодого бунтовщика и вернулся за кулисы. Ему казалось, что коньяк помог. Но какой же был у него шок, когда, засунув руку в карман, он обнаружил, что к бутылочке так и не притронулся. А ведь был в полной уверенности...

Габай и Сеня были очень похожи. После рыбаков они стали дублировать друг друга и в ролях героев-любовников - оба статные и красивые. Но Габай мечтал играть иные роли, ибо герои-любовники, по его мнению, во всех пьесах похожи друг на друга.

Все началось с "Трехгрошовой оперы". Не может такого быть, чтобы новый еврейский театр, в котором режиссер и почти все актеры - выходцы из Российской империи, не обратил бы свой взор к русской литературе.

Второй выход Габай состоялся в спектакле "На дне" - по пьесе Горького. И хотя роль там маленькая - городской, но он сыграл ее ярко и смешно. Об этом спектакле (в том числе и о маленькой роли Габай) писали все местные газеты. Габай стали узнавать в Тель-Авиве уже не только торговцы рыбой, но и почтенные отцы семейств. А вот дети этих почтенных семейств, некоторые романтические еврейские девушки, стали поглядывать на Габай после "Трехгрошовой оперы", в которой он сыграл обаятельного соблазнителя Мэкки-Сакит (Мэкки-Нож).

С этой роли началась не только его яркая актерская карьера (более 120 ролей), но и настоящая (на всю жизнь) любовь к Жене Бергер. Жизненные пути двух молодых людей - ак-

тера и художницы - переплелись в той самой брехтовской "Трехгрошовой опере". Вот как это было.

В 1933 году немецкий режиссер Вольф был приглашен в Палестину ставить "Трехгрошовую оперу" в "Огеле". И режиссер решил привезти "своего" сценографа. Выбор пал на художницу Женю Бергер, которая училась в Германии в художественной академии. За время учебы в Германии она успела принять участие в постановке детского спектакля по сказке Андерсена. В спектакле были заняты дети известных эмигрантов, таких, например, как актера Михаила Чехова, критика Альфреда Кера. Сценография Жени Бергер понравилась Вольфу, и он привлек ее к постановке "Трехгрошовой оперы". Художнику в этом спектакле надо было решить много вопросов, в том числе придумать костюм для главного героя - Мэкки-Ножа.

(Забегая вперед, скажу, Женя Бергер была художником и сценографом многих спектаклей палестинских (затем - израильских) театров, в том числе "Царь Соломон и сапожник" ("Огель", 1943), "Бар-Кохба" ("Огель", 1945), "Хованщина" (Израильская опера, 1952), "Братья Карамазовы" ("Габима", 1956) - а ее скульптуры и картины выставлялись на многих выставках. В 1953 году она вместе с друзьями основала деревню художников Эй-н-Ход.)

Но вернемся к "Трехгрошовой опере". По замыслу режиссера Вольфа, на сцене установили железную решетку (Мэкки-Нож сбегал из тюрьмы) и Габай должен был влезть на нее и спрыгнуть вниз. Были и другие придумки режиссера. Но Габай был важен опыт немецких актеров. И он часто встречался с художником Женей Бергер, которая видела "Трехгрошовую оперу" в Германии, и Габай старался узнать у нее, как играли ту или иную сцену немецкие актеры.

По ходу действия Мэкки-Нож покорял дочку полицейского, в то же время ухаживал за дочкой мещанина, а встречался с девушкой из публичного дома. От Габай со сцены (как, впрочем, и в жизни) веяло сексуальностью. После этой пьесы за Мэкки-Ножом бегали все тель-авивские девушки. А вообще-то это была веселая пьеса, и ничего по Станиславскому - "верю - не верю" - там не было. В брехтовской пьесе Габай играл Мэкки-Ножа, как своего любимого бабелевского героя Беню Крика.

Но Одесса оставалась только на сцене и в воспоминаниях, а в жизни он хотел быть настоящим израильтянином. Даже дома он ставил свою жену Женю Бергер, которая в то время еще плохо знала иврит, говорить только на этом языке. Он принципиально не отве-

Йегуда Габай (с кувалдой) на прокладке дороги
Афула - Нацерет. 1923 г.

Габи (Иегуда Габай) и Женя Бергер, 1934 г.

Сцена из спектакля "Бар-Кохба", 1945 г.

чал ей по-русски. Но делал это только до тех пор, пока она не овладела ивритом.

Если Габи один бродил по улицам, уходил к морю или сидел в кафе "Каспит" - значит, он подмечает детали для нового образа. В кафе "Каспит", что расположено на улице Дизенгоф, любили собираться молодые актеры, художники, писатели... Они любили это место еще и потому, что хозяин иногда угощал за свой счет. На стенах кафе художники оставляли автографы и рисунки. А потом умер хозяин, за ним - через полгода - и его сын. Затем какой-то богач купил картины и автографы, начертанные на стене. Но кто-то все-таки надоумил новых владельцев выставлять на прилавке "Каспита" фотографии тех, кто когда-то сюда приходил. Хоть таким образом поддерживать блестящую историю этого места.

Трагедия сына короля. Над судьбой "Короля Лира" - вымыслом Шекспира - не одно европейское поколение обливалось слезами. Обливались слезами и в Эрец-Исраэль. В этом спектакле Габи играл Эдуарда - сына короля Лира (реж. Моше Халеви, 1941 год). Во время перевоплощения своего героя (в безумца) Габи настолько выкладывался, что любил выпить "спиртовку". И артисту она помогала восстановить силы и сохранить душевное равновесие. (К сожалению, ныне рецепт "спиртовки" утерян!)

Смею предположить, что актерское перевоплощение в "Короле Лире" имело не только литературные, но и житейские (для Габи) корни.

Следует напомнить, что в СССР осталась семья Иегуды Габая. Ее судьба сложилась следующим образом. Родители переехали из Одессы в Москву, потом в Ленинград. Вскоре мать Габи умерла от рака, отец - от голода в ленинградскую блокаду. Связь с братьями прервалась. И вот однажды, когда Габи узнал, что один из братьев умер, он немедленно вылетел (это было еще в то время!) в Москву. Один из пяти оставшихся в живых братьев не захотел с Габи встретиться - от страха. Но встреча все-таки состоялась - договорились через кузину. Во время встречи Габи стал королем Лиром - ничего не помнящим, никого не узнающим, неизвестно каким образом очутившимся в этом месте: встречу с братом проводили тайно, в Ленинграде, на могиле матери - с одной стороны могилы стоял он, с другой - брат. По крови - родные, с виду - незнакомые.

А встреча с кузиной проходила так: она завела его в свою комнату в коммунальной квартире, заперла дверь, чтобы их разговор

не слышали соседи, и неестественно громко стала говорить, что у нее все в порядке. Потом прошептала ему, что это для тех, кто их прослушивает.

И только один родственник, который работал на каком-то продовольственном складе и не состоял в партии, встретил его пирогами и никого не боялся. Как считает дочь этого родственника, именно рассказы Габи о еврейской стране заставили ее уехать в Израиль.

Европа под ногами. Были у Габи и более счастливые поездки. В 1934 году "Огел" отправился на гастроли в Европу. (Вторично это произошло в 1950 году, но в первый и второй раз во Франции они играли в театре Сары Бернар) Во время первой поездки "Огел" дал гастроли в Лондоне, Париже, Риме, Варшаве. Полгода длились гастроли. О "чудесном театре из Палестины" писали многие европейские газеты, в том числе и "Последние новости", издававшиеся в Париже (под редакцией М.Л. Гольдштейна, позже П.Н. Милукова, бывшего министра Временного правительства.) Интересно и то, что автором статей о спектаклях еврейского театра "Огел" был князь С.М. Волконский (иногда он подписывался Кн.С.М.). Ознакомившись с его статьями, можно восстановить и репертуар заграничной поездки: "Иаков и Рахиль" (рецензия от 17 мая), "На дне" (рецензия от 31 мая), "Эсфирь" (рецензия от 2 июня), спектакль по произведению Переса (рецензия от 3 июня).

В 1938 году "Огел" выступал в Египте - Каире, Александрии. Как вспоминает Женя Бергер, которая поехала вместе с театром, в Каире они играли "Йермиягу" и еще две пьесы. В одной из них Жене пришлось выступать в массовке: сидеть на "крыше" декорации, а потом танцевать.

Забутые ленты. В Палестине съемки в кино для актеров были мечтой - фильмов почти не создавали. Но в 1933 году Моше Халеви получил приглашение от одной из киностудий Германии снять там картину. (Может, это была фирма, которая создала вышеозначенную ленту "Кабинет доктора Калигари", а может это была другая киностудия, но также работавшая в стиле немецкого экспрессионизма, к которому были близки постановки театра "Огел".)

Желая получить визу в Германию, Моше обратился к мэру Тель-Авива, но тот убедил его, что в нынешние времена еврею в Германии, тем более из Палестины, опасно не только работать, но и находиться даже проездом. Как явствует из письма мэра Меира Дизенгофа, отправленного в Яффо (23 апреля

1933 года) французскому консулу г-ну Бертрану, мэру удалось убедить режиссера Халеви, "заинтересованного в кинопроизводстве" и имеющего "специальное приглашение германской кинокомпании", "обратить свое внимание в этом отношении на работу, проводимую на таком же производстве во Франции" и "моя личная рекомендация вместе со знанием нынешней ситуации в Германии убедила г-на Халеви поменять свой план, и теперь он хочет отправиться во Францию, чтобы изучить кинопроизводство и ситуацию там".

Можно предположить, что режиссер Халеви выехал во Францию и пробыл там шесть - исходя из письма - месяцев. Может быть, его театр специально выехал за ним (подтверждение тому - гастроли "Огеля" в Европе в том же году), чтобы принять участие в съемках? Но, если это и так, то фильм еще предстоит найти в архивах.

Доподлинно известно, что актер Иегуда Габай снялся в одном из первых художественных фильмов на Земле обетованной - "Над руинами", на историческую тему (режиссер Аксельрод, 1934 год). В семейном альбоме Габи сохранился один-единственный снимок - кадр из фильма.

В еще одном давнем израильском фильме "Их было десять", который частенько показывают по израильскому телевидению, Габай играл врача. Сюжет фильма актуален до сих пор: десять еврейских юношей основали новое поселение в Галилее. Их играли хорошие актеры. Но, к сожалению, никого из этой прекрасной десятки уже нет. В том числе и Габи (1905-1969).

Знак смерти. Лицедеи верят в приметы. Приступая к очередному спектаклю, актеры не могли не обратить внимание на название "Кладбище машин" (1969 год). Это была модернистская пьеса. По всей видимости, у театра открылось второе дыхание, такое же легкое и безмятежное, как и в начале века. И вдруг им объявили: если такого-то числа не уплатите за аренду сцены, то можете не приходите.

Гистадрут, который оплачивал аренду, отказался субсидировать театр. Актеры Габи и Маргалит бежали все гистадрутовское начальство, всех депутатов кнессета - никто не помог. На следующий день после извещения о снятии спектакля "Кладбище машин" (а точнее, о закрытии театра) на сцене, которую не захотел оплатить Гистадрут, играл другой театр. Название последней пьесы "Огеля", оказалось пророческим.

До последней минуты, даже на краю жизни актер, художник, один из основателей теа-

тра Иегуда Габай не смог простить Гистадруту гибели своего детища.

Жизнь после "Огеля". У Габи были предложения перейти в "Габиму", но на каких (не птичьих ли?) правах он там будет существовать? Один из "огелевцев", перешедший туда, через некоторое время покинул чуждую для него "Габиму". Габи понимал, что и он может оказаться в таком же положении. И тогда он стал искать спасения в прошлом. А в прошлом он рисовал - причем достаточно интересно, но бросил это занятие, как только встретился с художницей Женей Бергер. Он отдавал должное ее таланту.

Была в его прошлом еще одна страсть. С самого начала своей театральной жизни он собирал все - бумажку или даже билет, - что касалось его любимого театра. В "Огеле" у него был даже маленький сарайчик, где он хранил декорации спектаклей, макеты, которые обычно выбрасывались. Кстати, многие макеты к спектаклям он делал сам. Ибо художники, которых приглашали на постановку, делали рисунки, но не умели изготавливать по ним макеты. Собирал он и критику, вырезки из газет, не говоря уже о фотографиях, костюмах, документах. Сначала - все, что касалось его театра, потом - и других еврейских театров: "Габимы", Камерного, Оперного...

Когда закрыли "Огел", он все перенес к себе домой. В тот момент ему и пришла мысль создать театральный музей.

Сперва он снял комнату в подвале своего дома, потом переместился в другую, более просторную, затем обратился к мэру Тель-Авива с просьбой узаконить его музей. Габи получил поддержку, но просторного помещения так и не обрел.

Музей находится в Тель-Авиве и работает (если расписание еще не изменилось) всего два дня в неделю, да и то всего несколько часов. Среди экспонатов - бесценные исторические документы: плакаты, приглашения, рисунки к спектаклям даже самого маленького еврейского театра или труппы. Есть даже тексты и нотная запись к спектаклям, которые ставились евреями в нацистских концлагерях. Есть документы из России, в которых говорится о создании еврейского театра - среди учредителей одного из них - имя Бялика.

Когда открылся музей, Габи стал писать историю израильского театра. К сожалению, эта работа не закончена. Но даже в таком виде она содержит бесценные сведения - того, что раскопал Габи, никто не знал.

На месте прошлого. Иегуда Габай не мог простить смерть своего театра (1925-1969), и никогда не приходил на то место, на берег Средиземного моря, где "Огел" некогда находился. Но однажды его уговорили телевизионщики. Они собрались снять фильм, в котором он, Габи, по их замыслу будет рассказывать о своем театре некой молодой израильской танке. Габи согласился.

Грустно говорить, но, как утверждала Женя Бергер (1907-2000), во время съемок он понял, что девушка его не слушает - какое ей дело до "Огеля" и до того, что на месте театра теперь возвышается громадная гостиница?! Она просто шла рядом и глазела по сторонам.

Но Габи продолжил рассказ о театре. И уже не по замыслу телевизионщиков, а по своему собственному, ибо вновь - и был вечер, и была сцена.

Дина РАТНЕР

Я летела из Иерусалима в Тбилиси с воспоминаниями о прекрасном гостеприимном городе, где всякий раз расстилась скатерть-самобранка, где не было антисемитизма, советской власти и где духовная культура определялась чувством свободы и достоинством народа. Тогда с первых же дней пребывания в этом городе я опьянела от непривычной доброжелательности, от душевного тепла не только коллег-единомышленников, но и случайно встретившихся людей.

Каково же было мое изумление, когда я увидела грузинских друзей в страшной нищете, в холодных, давно не ремонтируемых квартирах. Свободолюбивый народ предпочел жить в бедности при демократии, но не в СССР.

Первый раз я летела в Грузию из Москвы на защиту диссертации: в Московском университете она была причислена к апологетике буржуазной философии, а в Тбилисском оказалась в русле научных интересов. И моя десять лет пролежавшая диссертация получила, наконец, признание.

Чтобы воскресить радостные впечатления тридцатилетней давности, иду с Мананой - дочерью моей бывшей оппонентки в библиотеку грузинской Академии наук. Здесь, как и раньше, тихо, торжественно, все также блестит старинный паркет в читальном зале, те же роскошные бронзовые люстры позапрошлого века. В открытом доступе - антикварные книги с золотыми обрезами и красочными, не выцветшими за столетия иллюстрациями. Только, в отличие от былых времен, молодежи нет. В огромном читальном зале сидят далеко друг от друга несколько интеллигентных старичков; должно быть, профессора. Смещенные Саакашвили со своих должностей, они ходят сюда в силу привычки. В зале холодно, за огромными окнами затянутое тучами осеннее небо.

- При том что сейчас мало посетителей, - говорит Манана, - работники библиотеки остались почти в полном составе. Выбыли только те, кто ушел в мир иной. Если кого хотят уволить по причине нехватки денег, все остальные делятся своей зарплатой.

Оказалась на прежнем месте и Андже́ла - давняя подруга Мананы. Высокая, гибкая, с гипнотическим взглядом зеленых глаз, она шла нам навстречу, распахнув объятия. Расцеловала Манану, заодно и меня; согласно грузинскому обычаю: "Твой друг - мой друг". Тем более что виделись мы не в первый раз. Когда-то я делилась с Анджелой своими страхами по поводу заполнения необходимых документов для защиты диссертации, где должна была указать национальность и отсутствие, необходимой в Москве на философском факультете партийности. Андже́ла тогда заверила меня, что у них в университете даже ректор беспартийный, а согласно истории Грузии, евреи - князья, то есть особенно почитаемые люди. Грузины считают себя потомками израильских царей и потому особенно чтят носителей Моисеевой веры.

За прошедшие годы Андже́ла сохранила совершенную грузинскую красоту; все

"СТИХИ НЕ ПИШУТСЯ, СЛУЧАЮТСЯ..."

такая же грациозная, с чуть удлинненными распахнутыми глазами олененка с картины Пиромани. На улице невозможно было не оглянуться на нее.

Двадцать лет было Андже́ле, когда она встретила с Андреем Вознесенским. В двадцать лет грузинка Лидия Циргвава вышла замуж за отчаянно влюбившегося в нее пятидесятилетнего Вертинского. "Как ты похожа на жену Вертинского!" - воскликнул Андрей Вознесенский, увидев ее в первый раз. И тут же его поэтическая душа взметнулась к небу пламенем безудержной любви.

"Моя бабушка вышла замуж за Исидора Амикадзе, - рассказывала Андже́ла, - а в 1914-м дедушка ушел на войну. От него не было никаких вестей и после окончания войны. Бабушка осталась с тремя мальчиками, которые учились в гимназии, один из них стал моим папой. Учитель гимназии Михаил Минович, сосланный из Киева в Грузию за участие в революции 1905 года, женился на бабушке. Не знаю, пожалел ли он вдову - мать своих учеников или увлекся ею. Михаил Минович был педагогом от Бога, его уроки литературы и истории были похожи на симфонию. Талантливый, великодушный человек не вызывал ни у кого ни зависти, ни злобы. Даже вернувшийся через несколько лет родной дедушка Исидор Амикадзе почитал его. "Исидор, - сказала бабушка своему бывшему мужу, - ты по окончании войны объездил все страны, а в Москве еще не был. Поезжай в Москву, женись, и все будет хорошо".

- Мои самые первые воспоминания, - продолжает свой рассказ Андже́ла, - как я обнимаю дедушку Михаила. Он рассказывал, что когда я родилась, была красивая как ангел, почему и назвали Андже́ла. Дедушка играл со мной, приобщил к книгам. Во втором классе уже читала Толстого, Чехова; училась я в русской школе. Каждое воскресенье дедушка покупал три билета в оперу, я брала кого-нибудь из подруг, и мы шли в филармонию или в театр. Дети завидовали мне, я была богата дедушкой. До сих пор не могу вспомнить, было ли то на самом деле или привиделось во сне: дедушка сидит над большой раскрытой книгой из тряпичной пожелтевшей старой бумаги. "Что это?" - спроси-

ла я. "Книга жизни", - ответил дедушка, встал и закрыл собой книгу.

У младших братьев моего отца тоже были дети, но дедушка всегда был только со мной. Может быть потому, что мой папа погиб на войне в сорок третьем году, и мама снова вышла замуж.

- Сколько же вам лет?! - удивилась я.

- Родилась в сорок первом, отец ушел на фронт, когда меня еще не было.

- Вот уж не подумала бы, получается, вы давно пенсионного возраста!

- Просто молодо выгляжу, все удивляются, - засмеялась Андже́ла.

- Значит, у вас с Андреем Вознесенским не было такой сумасшедшей разницы в возрасте, как у Вертинского и Лидии Циргвава.

- Нет, нет, Андрей был ненамного старше меня. Наверное, его любовь и в самом деле объяснялась моим сходством с женой Вертинского. Я сравнивала наши фотографии - действительно как одно лицо. А может, сработала память на генетическом уровне - прадед Андрея был грузином, которого русские, при покорении Кавказа, увезли мальчиком в город Муром. Помимо других языков Андрей знал также грузинский, переводил наших поэтов на русский язык. Он не раз приезжал к нам со своим отцом. "Можно, вы мне покажете Тбилиси..." - то ли спросил, то ли попросил он, когда мы первый раз встретились. Я тогда вошла в читальный зал этой самой библиотеки, где мы сейчас сидим, Андрей увидел - встал навстречу и больше не отходил от меня. Я показывала ему город под восторженные комментарии подружек, которых позвала с собой; Андрей уже тогда был известным поэтом. Когда уехал в Москву, каждый день писал письма - рассказывал о своей любви. У меня толстая пачка его писем.

Вскоре после нашей встречи я оказалась у родственников в Москве. Андрей пригласил меня в Центральный дом литераторов и на виду у всех провозгласил самой красивой девушкой, обсыпав красными розами. Розы, едва помещавшиеся у него в руках, лежали у моих ног. Я готова была выйти за него замуж, и он уже собирался купить отдельную от отца квартиру. "А как же дедушка?" - спросила я. Андрей ответил: "Мы дедушке будем посылать посылки". - "Всего лишь посылки!" - мысленно возмутилась я. Вот если бы сказал, что дедушка будет жить с нами, тогда мы бы отпраздновали, как договаривались, две свадьбы; одну в Москве, другую - в Тбилиси. Я не могла оставить дедушку. У нас старые люди в почете, родителей не бросают. В одиночестве старики быстро умирают, а вместе с молодыми живут долго. Дедушка меня вырастил, научил любить книги, музыку, живопись; мы с ним одинаково чувствовали, думали. Дедушки давно нет, а я до сих пор мысленно разговариваю с ним. С ним, а не с Андреем.

- Вы хотите опубликовать письма

Вознесенского к вам? - спросила я. - Сейчас, когда его уже нет в этом мире, можно.

- Может быть. Если я и сделаю это, то только если переживу его вдову. Андрей, когда я вернулась в Тбилиси, женился на женщине грузинского типа старше себя. Наверное, так и должно было случиться; она писательница, а я всего лишь библиотечный работник. Когда-то, по совету дедушки, начинала сочинять сказки для детей, потом бросила. Сейчас жена Андрея публикует воспоминания о нем. Он любил ее так же восторженно, как и меня, о чем писал в своих стихах:

*Я любил двух женщин как одну,
Хоть они совсем не близнецы...*

Согласно воспоминаниям его жены - ее тоже задал красными розами, не случайно же сочинил стих, из которого сделали песню: "Миллион, миллион алых роз...". После нашего знакомства, если мы ненадолго расставались, писал мне восторженные письма о своей неугасимой любви. Ей тоже писал. Я всегда чувствовала - он любил не конкретно меня, а свое пылкое воображение, мечту.

Андже́ла говорит, а мне слышится голос Вознесенского:

*Стихи не пишутся, случаются,
Как чувства или же закат.*

*Душа - слепая соучастница
Не написал - случилось так.*

Наверное, Андрей не забывал Андже́лу, сожалел, что она осталась одна - так и не вышла замуж. Должно быть, о ней он думал, когда писал:

*Ты придешь, сядешь в уголке -
Подберу музыку к тебе...*

*Подберу музыку к тебе,
Чтоб теплее стало на ветру...*

И далее неотступно звучит мелодия слов:

*Ты меня никогда не забудешь,
Я тебя никогда не забуду...*

Грустные, подавленные вышли мы с Мананой из библиотеки, будто встретились с женщиной, счастье которой прошло мимо.

Первой заговорила Манана:

- Ведь стоило ей только сказать: "Дедушка будет жить с нами" и Андрей бы не возражал. Почему она этого не сделала?

- Может быть, неосознанно сработала гордость красавицы грузинки? Или возмутилась тем, что жених не понимает того, что для нее само собой разумеется? - ответила я вопросом на вопрос.

- Похоже, так и есть, - отозвалась Манана. - Андрей проигрывал в сравнении с дедушкой, тому ничего не нужно было объяснять, все понимал без слов.

- Помнишь, восемнадцатилетняя Ульрика, что была последней любовью восьмидесятилетнего Гете, так и не вышла замуж; женихи не выдерживали сравнения с интеллектом поэта и философа.

- Ну да, я тоже мысленно всегда выбирала между могучим интеллектом, способностью проникать в сущность бытия и молодостью, красотой. И тоже предпочитала первое. Во всяком случае, понимаю Ульрику, которая отказывала женихам. Подобно ей и Андже́ла осталась одна... - в раздумье проговорила Манана.

РЕНЕССАНС ЕВРЕЙСКОГО ВИЛЬНО: К ОТКРЫТИЮ МУЗЕЯ ХУДОЖНИКА САМУЭЛЯ БАКА

Алек Д. ЭПШТЕЙН,
специально для
"Еврейского камертона"

16 ноября в Вильнюсе произошло событие поистине выдающееся, причем отнюдь не только для литовского еврейства: в одном из зданий, принадлежащих Государственному еврейскому музею имени Виленского Гаона, была открыта постоянная экспозиция избранных произведений художника Самуэля (Шмуэля) Бака. На протяжении последнего столетия немало еврейских художников из Восточной Европы получили заслуженное признание, однако ни один из них не дожил до создания посвященного его творчеству музея там, откуда он родом, где брало начало его искусство. Именно в этом контексте появление музея восточноевропейского еврейского художника в городе его детства является событием беспрецедентным; Самуэль Бак оказался первым и - очень хотелось бы надеяться - не последним живописцем, дожившим до признания на родине.

Заслуживает упоминания и тот факт, что буквально накануне открытия музея, 15 ноября, художнику был вручен памятный знак почетного гражданина Вильнюса. Лично присутствуя на этой церемонии в Вильнюсской ратуше, я был очень взволнован, слушая слова мэра литовской столицы о том, что за более чем четверть века государственной независимости Литвы это звание было присуждено всего четырнадцати людям (в частности, Рональду Рейгану, Чеславу Милошу, Томасу Венцлове и Мстиславу Ростроповичу); Самуэль Бак стал, таким образом, всего пятнадцатым человеком в этом, без сомнения, незаурядном списке.

На открытии музея Бака выступали многие представители общественно-политической элиты Литовской Республики, включая министра культуры этой страны; было зачитано и приветственное обращение главы правительства. Во многих выступлениях повторялась фраза о том, что *Bak is back* (Бак возвращается). Символически это, конечно, верно, практически же этот выдающийся художник прибыл в Литву лишь на неделю. Город, где он родился 12 августа 1933 года, назывался Вильно и находился в Польше, вследствие чего родными языками будущего художника были польский и идиш, которыми в равной мере в совершенстве владели его родители. Частью Литвы город стал вследствие советской оккупации Восточной Польши и принятого тогдашним руководством решения вернуть Литве ее столицу. Уже в июне 1941 года город был занят немецкими войсками, и над евреями нависла смертельная опасность тотального уничтожения. Как известно, 90% вильнюсского еврейства погибло в огне Холокоста, что положило конец существованию "литовского Иерусалима";

среди расстрелянных в Понарах в июле 1944 года был и отец Шмуэля, Йонас Бак, которому не было тогда и 37 лет. Мальчику же и его матери удалось спастись, укрывшись в монастыре бенедиктинцев, где они прятались вплоть до прихода в Литву частей Красной армии. Художник и сегодня начинает каждое выступление с выражения благодарности людям, с огромным риском для собственной жизни спасшим его самого и его мать.

Однако в советской Литве мать Самуэля Бака оставаться не захотела, и в 1945 году начался длинный путь скитаний тогда 12-летнего подростка, закончившийся в 1993 году обретением нового дома в пригороде Бостона в США. За почти полвека, прошедшие между этими двумя датами, Самуэль Бак жил и рисовал в пяти разных странах: из лагеря переживших Холокост беженцев на территории Германии он в 1948 году добрался до Израиля, откуда, отучившись в Академии художеств "Бецалель" и пройдя трехлетнюю службу в армии, он в 1956 году направился вначале во Францию, а потом в Италию. После десяти лет в Европе он вернулся в Израиль, где с трехлетним перерывом, во время которого жил и работал в Нью-Йорке, оставался до 1980 года. Следующие за этим тринадцать лет вновь прошли в Европе: вначале во Франции, а потом в Швейцарии, а последние вот уже четверть века крупнейший живописец еврейской диаспоры нашего времени живет и работает в США.

Отвечая на наш непосредственно ему заданный вопрос, художник ответил, что, где бы он ни жил, всегда считал и ощущал себя "мальчиком родом из Вильно". Фактическая точность требует, однако, указать, что в родной город, покинутый в 1945 году, он впервые вернулся лишь пятьдесят шесть лет спустя, осенью 2001 года; нынешний его приезд в Вильнюс - пятый за шестнадцать лет. Из четырех внуков художника ныне ни один не живет ни в Вильнюсе, ни в Израиле, и еврейский мир, в целом, от них достаточно далек, ибо с родителями они говорят почти исключительно по-французски. В израильских школах тринадцатилетних ребят просят написать едва ли не первую в их жизни самостоятельную работу по истории об их семейных корнях; в год бар-

мицвы его старшего внука Рафаэля Самуэль Бак привез его в Вильнюс, чтобы дать ему представление о том, где и как жили его предки за более чем полвека до этого.

В нашей беседе художник рассказывал о том, насколько чужим и чуждым он и другие пережившие Холокост евреи из Восточной Европы чувствовали себя в Израиле в первые годы борьбы за отстаивание только обретенной государственности. Рассказывал он и о том, как не без успеха искал еврейский Вильнюс своего детства в Париже, где во второй половине 1950-х годов еще работали Михаил Кикоин, Пинхус Кремень, Мане-Кац и другие еврейские беженцы из Восточной Европы, так же воссоздававшие навсегда оставленный ими мир на своих полотнах. К этой экспрессионистской традиции был тогда близок и Бак, но семь лет, проведенных им в Италии, привели к формированию его совершенно уникального художественного стиля, который можно было бы назвать "сюрреалистским искусством еврейского Ренессанса". Это определение мы используем в двух значениях.

Во-первых, очевидно влияние художников Возрождения, в особенности Тинторетто и Джорджоне, на технику, композицию и цветовую палитру произведений Бака. Представляется, что наследие художников Возрождения Бак в значительной степени воспринял и переосмыслил сквозь призму произведений родившегося в Греции и прожившего многие годы во Франции, но все же остававшегося итальянцем великого художника-сюрреалиста Джорджо де Кирико. На наш вопрос о том, были ли они знакомы, Бак дал утвердительный ответ, заметив, однако, что его собственных картин, по его мнению, сам де Кирико никогда не видел, о чем остается лишь сожалеть.

Во-вторых, при всем его внимании к беспримерной трагедии Холокоста, Бак все же остается человеком, никогда не теряющим надежду на торжество космополитического гуманизма, на мир без ксенофобии и антисемитизма. Хотя он никогда не рисовал израильские (или какие-либо иные) пейзажи и достижения, его, очевидно, можно назвать художником еврейского национального возрождения, ибо его работы одна за другой демонстрируют

несомненность национального духа, сохранение еврейством присущих ему черт. "Новому еврею" сионистского эпоса Бак настойчиво противопоставляет традиционного еврея диаспоры, говорящего и читающего книги на разных языках, ценящего ученость и знания, и стремящегося реализовать себя в контексте наивысших достижений европейской науки и культуры.

В этой связи заслуживает упоминания тот факт, что, несмотря на четверть века, проведенных в США, американское искусство, а уж тем более то, что принято называть "американским образом жизни", не оказало на Бака никакого влияния. Где бы он ни жил, он остается европейцем, и эта Европа всегда с ним и всегда в нем. Отвечая на заданный ему как-то вопрос, что же во всем этом непосредственно "еврейское", художник поднял брови и возразил: "Именно такими и были мои родители и та еврейская среда Вильнюса, в которой я вырос".

Нацисты приложили огромные усилия для того, чтобы выкорчевать евреев из европейской истории и культуры. Своим искусством Самуэль Бак заявляет, что этого им сделать не удалось и не удастся, что евреи были, есть и останутся неотъемлемой частью богатой и космополитичной европейской культуры. Это крайне важный посыл, и создание в сегодняшней Литве, входящей в Европейский союз, отдельного музея, посвященного творчеству этого выдающегося художника, чудом спасшегося в Холокосте и пронесшего память о нем через всю свою творческую судьбу, утверждает именно этот тезис. Без сомнения, создание народом, подлежавшим, с нацистской точки зрения, тотальному уничтожению, своего национального государства, есть в немалой степени акт пусть и запоздалой и достигнутой страшной ценой, но победы над гитлеризмом. Не менее важна, однако, и другая сторона медали, состоящая в том, что такая победа невозможна без сохранения еврейского присутствия в европейском обществе и европейской культуре; в конце концов, в Освенциме, Третьей рейхе и в Понарах направляли евреев не из Эрец-Исраэль, а именно из поработанных нацистами стран Европы. Гитлер и его приспешники стремились прийти к Европе, "очищенной от евреев", и именно поэтому создание в одной из европейских столиц музея еврейского художника, вопреки всему, сумевшему спастись в те страшные годы и в значительной мере посвятившему этим годам все свое последующее творчество, есть важный акт пусть и посмертной, но очевидной исторической победы европейского еврейства над идеологией и практиками нацизма. Именно поэтому значение событий, произошедших в Вильнюсе в середине ноября, выходит далеко за рамки сферы культуры и искусства.

Александр БОРЗЕНКО

В конце января 2016 года в Литве вышла книга Руты Ванагайте "Наши" - об участии литовцев в уничтожении евреев во время Холокоста. Тогда погибли около 200 тысяч человек, то есть 95% еврейского населения Литвы. Книга явно затронула болезненную тему: одни хвалили автора, другие обвиняли в работе на Кремль, третьи предполагали, что "работу оплатили евреи". Тираж раскупили за неделю. Ванагайте жаловалась, что после презентации книги ее допрашивали российские СМИ; кроме того, ее якобы приглашали в посольство РФ. Она заявила, что не будет разговаривать с журналистами из России, потому что эта трагедия - внутреннее дело Литвы, и книга не должна стать инструментом пропаганды. Журналист "Медузы" Александр Борзенко поговорил с вильнюсским историком Ильей Лемпертасом о книге Руты Ванагайте и о Холокосте в Литве.

- Книга Руты Ванагайте вышла только по-литовски. О ней писали и на русском, но все-таки у нас совсем обрывочные представления. Расскажите о книге.

- Сначала автор рассказывает, как заинтересовалась темой, узнала, что в ее роду был человек, участвовавший в Холокосте. Потом идет небольшая вводка о том, кто такие евреи: во что они верят, что такое кашрут и прочее. Потом историческая справка о Холокосте, основанная на книгах лучших литовских специалистов по теме. Следом идут рассказы известных людей, которые были свидетелями расправ.

Потом глава под названием "Наши стреляльщики в евреев". В литовском есть для них специальное слово с тех времен - "žudšaudžiai". Ванагайте много времени провела в архивах. Ей ставят в вину, что она ссылается на допросы пособников нацистов из архива КГБ - мол, все мы знаем, что там пытали людей. Но такие обвинения звучат только со стороны крайних "отрицателей" [вины литовцев в преступлениях]. И, на мой взгляд, это неправда. Тема пособничества в Холокосте для КГБ была совершенно вторичной. Людей брали за партизанство, за борьбу с советской властью - по этому поводу следователи действительно выбивали из людей все. Кроме того, критики почему-то не обращают внимания, что часть показаний относятся к периоду, когда КГБ уже вообще особо никого не пытал - к концу 1970-х годов.

В третьей части книги Ванагайте с Эфраимом Зуроффом (глава Иерусалимского центра Симона Визенталя, который занимается поиском участников нацистских преступлений и последовательно критикует литовские власти за отсутствие судебных процессов против бывших коллаборационистов. - Прим. "Медузы") ездят по деревням и разговаривают со свидетелями расправ над евреями.

- Это добросовестная книга - с научной точки зрения?

- Нормальная книга. В исторической части есть какие-то ошибки, но это же пу-

"В МЕСТНОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ ЕВРЕЕВ ПРОСТО НЕТ"

Историк Илья Лемпертас - о нашедшей книге про литовских участников Холокоста

Книга "Наши" Руты Ванагайте. Фото: Валерий Горохов / "Медуза"

блицистика, а не исторический труд. Ванагайте - не историк. Она журналист, пиарщик - что-то такое (Рута Ванагайте - известный в Литве культурный и общественный деятель. В начале 2000-х возглавляла PR-агентство. Продюсировала несколько телевизионных передач и реалити-квест "Советский бункер", в котором герои могли почувствовать себя в СССР в 1984 году. - Прим. "Медузы"). Книга написана с пылом неопита, состоит в основном из страшных рассказов и призвана шокировать людей.

- Шокировать, кажется, получилось.

- Да. Книга вышла большим по литовским меркам тиражом и ее очень агрессивно представили. Видимо, автор - хороший специалист по пиару. Все эти слова: "Меня возненавидели родственники, меня могут посадить" (громкое интервью Ванагайте в балтийском издании Delfi вышло под заголовком "Из-за книги о геноциде евреев в Литве от автора отвернулись родные и друзья". - Прим. "Медузы") - это все ее заслуга. Книги у нас не читают, и если бы не такая ее агрессивная подача, она бы прошла почти незамеченной.

- Давайте теперь перейдем к тому, что эта книга описывает. Считается, что погромы начались еще до прихода немцев. Это так?

- Это миф. Несколько лет назад вышла огромная монография о Холокосте в Литве немецкого историка Кристофа Дикмана. Сегодня Дикман - лучший специалист в этой области. К сожалению, книга вышла только на немецком. Но есть интервью на английском, и там Дикман вежливо объяснил, что ни в одном архиве не существует подтверждений исто-

рии о литовцах, которые якобы убивали евреев до вторжения нацистов.

- Но сразу же после вторжения массовые убийства начались. Насколько верно утверждение, что "местные жители справлялись и сами"?

- Нам известно около 270 мест расстрелов евреев в Литве. В некоторых из этих мест немцев вообще не было. Это страшные последствия стереотипа, который очень крепко утвердился в балтийских странах: еврей - значит, коммунист.

- Это уже после прихода СССР?

- Да. В 1940 году Литву, Латвию и Эстонию оккупирует Советский Союз. Сейчас существует миф о том, что евреи встречали коммунистов цветами. К сожалению, многие историки его поддерживают: евреи якобы выбрали Сталина как спасение от Гитлера. Мол, у них выбор был такой. Но это ерунда. Ведь на тот момент никто не представлял, что такое Гитлер и чем он хуже Сталина. Да, было известно, что Гитлер - антисемит, но этим вряд ли кого можно было удивить. Никто не понимал, о чем речь: на момент оккупации Сталиным балтийских стран никакого Холокоста еще не было, Литва - первая страна, где началось "окончательное решение" [еврейского вопроса]. При этом работала советская пропаганда на границе, поэтому Сталин действительно выглядел вполне привлекательно: "Все люди равны, евреи могут поступать на работу куда хотят".

- Уточняющий вопрос: доля евреев в Литве составляла...

- Не больше 10%.

- А в Литве были до СССР какие-то антиеврейские законы?

- Нет. Был "уличный" антисемитизм. В

последние годы была антисемитская кампания в нескольких изданиях, в основном тех, которые принадлежали литовским купцам: "Не покупай у евреев, покупай у литовцев". Государство не было антисемитским по внешним признакам, но основало три госкооператива по продаже молока, мяса и чего-то еще, которые подрывали мелкий еврейский бизнес. Ни в Польше, ни в Литве евреев не было на госслужбе. Закона такого не было, но была практика. Если в 1920 году еще кто-то был, то к 1940-му их количество очень сильно уменьшилось.

Потом пришли Советы. Им надо было сменить этот литовский буржуазно-националистический управленческий аппарат на свой. И тут подвернулись евреи. Определенная часть евреев им очень подходила: из бедных семей, при этом умеют писать (чего с бедными литовцами часто не случалось), помнят русский - от Российской империи прошло всего 20 лет. То есть среди евреев была достаточно большая группа потенциальных управдомов, милиционеров, заведующих паспортными столами.

- Все решили, что евреи привели советскую власть, чтобы занять посты литовских начальников?

- В какой-то мере. С Советами пришел бюрократизм того уровня, которого в Литве не было: новые паспорта, прописка - куча поводов, по которым простому человеку с улицы надо идти к властям. И там этот простой литовский человек видит еврея. Этот еврей предлагает заполнить анкету в пяти экземплярах и прийти через неделю. Никто не свят, так что было какое-то количество людей, которые мстили этим гоям за все, что они нам сделали со времен Римской империи. И все это наложило на твердый стереотип, что все евреи заодно. В результате и возник "еврей - коммунист". Этот стереотип был абсолютно повсеместен, в него верило 99% населения Литвы. В том числе и просоветски настроенные люди: евреи - коммунисты, они хорошие, бедные. Евреи массово шли в комсомол. Поверили в то, что говорилось. Евреи ассоциировались с советской властью, а советская власть умела сделать так, чтобы ее не любили.

- Речь идет об оккупации, национализации и депортации?

- Обо всем, что произошло за год советской власти. 14 июня 1941 года было приказано депортировать из балтийских стран потенциальных врагов. Это было "очищение предполья" (передовой полосы обороны. - Прим. "Медузы") в преддверии возможной войны с Гитлером. Все

происходило в чисто советском духе: сейчас хорошо известно, как составлялись списки "врагов". Учителя иностранных языков, радиолюбители, голубятники - люди, за которыми не было никакой вины, - отправились в Сибирь как предатели и шпионы. Списки составлялись, но на самом деле любого могли арестовать и выслать. Если человека из списка не было дома, брали другого по той же специальности - план-то надо выполнять.

Когда началась депортация, многие ушли в леса - это традиционная литовская забава. Вокруг все время войны, так что у каждого на хуторе лежит свой автомат - если что, берешь его и идешь в лес. И кто-то при этом должен показать чекистам, где живут эти самые враги народа из списков на депортацию. И очень часто это те самые еврейские комсомольцы приводили чекистов к своим соседям, которых знали с детства. И вот это запомнили надолго. То, что эти комсомольцы иногда приводили чекистов именно к евреям, которых потом увозили в депортацию, никого не волновало.

Когда подошли немцы и Советы побежали, возникло множество отрядов самообороны: люди вышли из лесов, начали стрелять по советским солдатам и активистам. Стреляли по бегущим, а тех, кто не бежал, арестовывали и только в крайних случаях расстреливали. Крайние случаи - это если были бои, и литовцы теряли людей. И тут выяснилось страшное последствие стереотипа "евреи - коммунисты". Существует сборник документов партизан этого первого восстания, там есть несколько страшных документов, на которые не очень обращают внимание. Это списки арестованных. Йонас такой-то, милиционер. Пятрас такой-то, председатель чего-нибудь. 20 литовцев и пять евреев. И у этих пятерых причина ареста не указана, потому что и так все знают: еврей - коммунист. Тогда погибло от пяти до десяти тысяч мирных жителей. Из них где-то половина евреев. Стреляли в коммунистов - погибали евреи. Это не Холокост, это антисоветское выступление с очень сильной составляющей антисемитизма.

- Из интервью Ванагайте складывается ощущение, что литовцы более рьяно участвовали в убийствах евреев, чем жители других оккупированных стран. Что в Литву даже привозили убивать евреев из других стран - такие тут были расстрельщики исполнительные. Литва действительно отличалась чем-то в том плане?

- Нет. Все айнцакоманды (нацистские формирования, которые занимались массовыми убийствами мирных граждан на оккупированных территориях). - Прим. "Медузы" от Мурманска до Крыма формировались по одному принципу. От 30 до 50% немцев, остальные - местные жители. Так было всюду. Немцев просто не хватало, и среди стреляльщиков их везде было меньшинство. Если брать в цифрах, белорусы на самом деле проявили себя на службе немцам "лучше", чем литовцы.

Кроме того, существовал принцип использования инациональных кадров, то есть "Варшавское гетто" подавляли, на

пример, латыши и белорусы, "Вильнюсское гетто" - украинцы и эстонцы, а литовские батальоны "покрыли себя славой" в Белоруссии. Литовцы ничем не отличаются.

Другое дело, что литовцы и украинцы - за что, опять же, их постоянно упоминают в еврейских источниках - начали формировать свои отряды сами. Тут есть еще такой момент: многие западные историки Холокоста уверены, что был какой-то особенный литовский отряд "Ипатингасбурис". На самом деле это просто перевод на литовский немецкого "айнцакоманда" - особый отряд. Это не литовское подразделение, а часть немецкой структуры, какие были по всему фронту.

- В расстрельные отряды шло много литовцев?

- В Литве жили 2,5 - 3 миллиона человек. Из них так или иначе участвовали в Холокосте не более 20 тысяч литовцев. Многие помогали евреям, прятали: по моим подсчетам, по количеству спасателей относительно размеров населения литовцы на втором месте среди всех оккупированных стран. Основная масса населения просто хотела, чтобы их оставили в покое. Часть из них - герои, святые. Часть - убийцы и сволочи. Нельзя требовать от всех, чтобы они были героями, нельзя избавиться от убийц, сволочей.

Что касается убийц, тут ведь есть еще вопрос - кого считать? Если только тех, о ком доказано, что он жал на курок - таких тысяча-полторы. Подсчеты проводил "Литовский центр исследования геноцида и сопротивления": руководил работой абсолютно честный историк, книги и статьи которого гораздо страшнее книги Ванагайте, хотя там и меньше деталей.

- Давайте теперь поговорим о том, как после войны жила память об убитых литовских евреях. Выжило всего несколько тысяч - те, кто воевал в Красной армии, партизаны. Они пытались как-то объединиться вокруг идеи сохранить память о тех, кто был убит?

- Когда Вильнюс освобождали, сюда сначала вернулись еврейские партизаны, которые ушли из Вильнюсского гетто перед его закрытием в сентябре 1943 года. Часть из них вошла в город еще до Красной армии. Сразу после ухода немцев эти партизаны начали собирать еврейский музей. В гетто была так называемая папир-бригада, бумажная бригада, которая работала у немцев. Они работали на айнцаштабрейхсляйтера Розенберга. Это такая организация, которая собирала по всей оккупированной территории еврейские артефакты - то для музея вырождения еврейского народа, то ли еще для чего-то. Там было несколько немецких специалистов и бригада из тридцати, кажется, евреев из гетто. Те, кто выжил, начали мгновенно собирать уцелевшие артефакты для еврейского музея. Он открылся, если не ошибаюсь, в 1946-м и закрылся в 1948-м.

Еврейские партизаны организовали еврейскую школу-интернат для сирот, которых спасли литовцы. И посылали по всей Литве людей этих сирот искать. А это была смертельно опасная экспедиция.

Литовские партизаны ведь считали, что все евреи - коммунисты, так что могли напасть просто за еврейский нос. А многие люди, которые спасли ребенка, не хотели с ним расставаться, и это тоже была тяжелая ситуация. Моя любимая история - про Абрахама Фоксмана, которого спрятали польская няня. Они жили прямо напротив ворот гетто. Родителям пришлось долго судиться с этой няней потом, чтобы вернуть ребенка.

Ставили памятники на идиш, они стояли до 1948 года. Потом советские власти их уничтожили и поставили свои. Появляется формулировка - "В память о погибших советских гражданах". О евреях ни слова. В советское время Холокоста как бы не существовало.

- Почему надо было сносить памятники?

- Потому что в Советском Союзе к этому времени началась антисемитская кампания, которая продолжалась до смерти Сталина. Дело Еврейского антифашистского комитета - это как раз 1948 год.

- А как изменилась ситуация после 1990 года, когда Литва стала независимой? Как власти и общество сейчас воспринимают прошлое?

- Тут нужно отделять власть от общества. Литовские власти вели себя совершенно адекватно. С первых дней они признают участие литовцев, защищают все еврейские кладбища от застройки, которая происходила массово в советское время. Ставят памятники. Президент [с 1993-го по 1998-й] Альгирдас Бразаускас во время визита в Израиль извинялся за участие литовцев в Холокосте. А в Литве скандал: "Что это он сказал такое? Чего это мы должны извиняться?" Ровно так же, как сейчас с Ванагайте: "Кто ее вообще уполномочивал?! У меня в семье убийц не было!" Но все-таки Литва очень рано - второй страной в мире - учредила День памяти геноцида. 23 сентября кто-нибудь из министров или президент выходят в Понары (место массового расстрела евреев, где погибли, по разным подсчетам, от 56 тысяч до 100 тысяч человек). - Прим. "Медузы", говорят речи - иногда личные и хорошие.

- Советские надписи на памятнике убрали?

- Новый памятник в Понарах поставили почти сразу - частично на литовские, частично на еврейские деньги. С информационной доски на входе советский текст просто сняли, повесили доски с двумя изменениями. Вместо "советских граждан" просто написали "люди" и добавили "местные пособники". Еще в 1990 году или в 1991-м еврейская община поставила там мраморный камень, где на идиш и иврите повторили ту же надпись, добавив фразу: "70 тысяч из них были еврейские старики, женщины и дети". И эта же фраза есть по-русски и по-литовски.

- А общество?

- А общество абсолютно к этому делу равнодушно.

- Именно равнодушно?

- Да, именно равнодушно. Один из памятников, на котором надпись есть только на иврите - на улице Субачаус - очень хорошо служит зимой как снежная горка,

Илья Лемпертас.
Фото: Валерий Горохов / "Медуза"

там откос удобный. А что написано - непонятно. В коллективной памяти литовцев почти не существует евреев. Еще 40 лет назад можно было услышать страшилки из серии "евреи пускают детей на мацу". А сейчас этого нет, потому что евреев не осталось.

И гвалт, который поднялся, когда вышла книга Ванагайте, очень показателен. Многие кричали, что Ванагайте якобы обозвала весь литовский народ убийцами, хотя этого не было. И ни у кого, ни у кого не возник в голове вопрос: "Может, "наши" - это и евреи?" Никто не задал этого вопроса - а чьи это, "наши"? В Литве очень странно: геноцид - сталинский, а Холокост - это не геноцид, это убийство евреев. То есть в понятие "мы" евреи не входят.

- Ванагайте сказала, что ее атакуют российские журналисты, и что ее все в Литве обвиняют в работе на Путина: мол, она создала идеальный инструмент для пропаганды. Шок, который должна была вызвать книга, может быть полезным на таком фоне?

- Не все ее обвиняют, но многие, это правда. И это очень понятно: российская пропаганда сейчас действительно массово играет идеей о фашистах-прибалтах, украинцах и прочих. На русскоязычных каналах и в прессе это постоянным фоном идет. Так что Ванагайте называют путинисткой даже чаще, чем еврейкой. И мало кому приходит в голову, что единственный способ защититься от пропагандистских манипуляций - самим раскрыть свои темные пятна, раздать по заслугам живым и мертвым, разобраться, и таким образом лишить пропагандистов поводов для шантажа. Об этом говорят единицы - как правило, те, кто и раньше говорил что-то подобное.

Скандал вокруг книги дает некий шанс, что общество сдвинется с точки. Появится интерес к теме, опубликуют список убийц (Центр исследования геноцида и сопротивления жителей Литвы уже пообещал опубликовать список из 1000 фамилий участников Холокоста до конца года). - Прим. "Медузы". Правда, судя по комментариям, абсолютное большинство тех, кто кричит про эту книгу - хорошее или плохое - ее просто не читали.

Вильнюс
С любезного разрешения сайта "Медуза"

"ЛЮБОВЬ, Я ТВОЙ ПРИЛЕЖНЫЙ УЧЕНИК"

"... Когда жизнь вокруг меня
усложняется,
Я обращаюсь к трактату
о тайнах любви" -

такое признание сделала еврейская поэтесса Целия Драпкина (Дропкин), чье имя практически не известно русскоязычным читателям, и сегодня мы откроем его для многих. 5 декабря отмечалось 130-летие со дня ее рождения. Но училась она, по большей части, не по научным трудам, а у самой жизни.

На свет будущий литератор появилась в Бобруйске, в семье торговца лесом, но глава семейства, страдавший туберкулезом, ушел на небеса, когда Цилия была еще малышкой. Ее с матерью и сестрой забрали к себе состоятельные родственники. Уже в раннем возрасте Целия проявила гуманитарные склонности. Она училась в русской школе, затем - в гимназии, а потом занялась преподавательской деятельностью, отправившись с этой целью в Варшаву. В 1907 году приехала в Киев, чтобы там продолжить образование, и попала под влияние еврейского писателя Ури Ниссана Гнесина, разглядевшего у девушки литературный талант. Через год Целия возвратилась в родной Бобруйск, где вскоре вышла замуж за Шмайю Драпкина, активиста Бунда, родом из Гомеля, и родила сына. Политическая деятельность Драпкина вынудила его спешно покинуть пределы Российской империи. В 1910 году он уехал в далекую Америку, а Целия с ребенком смогла воссоединиться с мужем только через два года.

Еще в царской России Целия Драпкина начала писать стихи, а в Нью-Йорке ее супруг, обретая известность среди местных деятелей еврейской культуры, начал переводить поэзию своей жены с идиша на русский язык. Подборки ее стихотворений стали появляться в периодике и, кроме того, публиковались сочиняемые ею короткие поучительные истории. Замахнулась Целия и на романы, но из желания заработать больше денег, отдавая при этом предпочтение поэтическому творчеству. В произведениях поэтессы нашли отражение эпизоды из ее биографии, воспоминания о тех местах, где ей довелось в разном возрасте побывать. Значительная часть написанных ею стихов посвящена детям. К слову, у нее их было шестеро, но одного ребенка Целия потеряла. На одно из стихотворений детского цикла известный композитор, аранжировщик и пианист Авраам Эльштейн написал замечательную колыбельную песню.

В целом поэзию Целии Драпкиной характеризуют проявления сильных женских чувств: с одной стороны - страсти, сексуальности, с другой - ярости, тоски, депрессии. Целия была в дружеских отношениях с поэтом Зише Ландау, одним из основателей творческой группы "Ди юнге" ("Молодые") и дружила с поэтессой Анной Марголиной. В нелегкий период Великой американской депрессии семья

Драпкиных переезжала с места на место в поисках работы. Несколько лет они жили в Вирджинии и Массачусетсе, но в конце 1930-х годов навсегда вернулись в Нью-Йорк. В 1935 году вышел в свет поэтический сборник Целии "В горячем ветре". В 1943-м Шмайя Драпкин скоропостижно скончался. Безвременная смерть мужа стала для поэтессы тяжелым ударом и отразилась на ее дальнейшем творчестве. В 1953-м она написала последнее в жизни стихотворение, опубликованное в издании "Ди цукунфт". А далее Целия переключилась на живопись, где проявилась еще одна грань ее таланта. Ее картинам присуждались призы на конкурсах, участие в которых принимали живописцы-любители.

Скончалась Целия Драпкина вследствие онкологического заболевания в 1956 году. Свет увидели 150 написанных ею стихов, но в ее личном архиве обнаружено было немало произведений, никогда не публиковавшихся. А самое известное из всех - "Женщина цирка", раскрывающее, в авторской интерпретации, одну из вечных тем поэзии - тему жизни и смерти. Это стихотворение было переведено на английский язык. Стихи Целии также представлялись французским читателям - в 1994 году.

Из поэзии Целии (Цили) Драпкиной

Женщина цирка

Я женщина цирка,
я танцую между ножами,
стоящими на манеже,
смотрящими остриями вверх.
Моё легко сгибаемое тело
избегает смерти при падении,
касаясь лезвий лишь слегка.

Затаив дыхание,
люди следят за моим танцем,
и кто-то молится за меня.
Перед моими глазами точки
проносятся в огненном колесе, -
и никто не знает, как я хочу упасть.

Я устала от танцев между вами, -
холодные, стальные ножи.
Я хочу моей кровью обжечь вас,
хочу упасть прямо
на ваши обнаженные концы.

Мои руки

Мои руки,
две части моего тела,
которые мне не стыдно показать,
с пальцами, как ветви

кораллового дерева,
с пальцами, как два гнезда
белых змей.
Или - как мысли
похотливого человека.

Адам

Ты, избалованный,
тебя ласкали руки многих женщин,
по воле случая набрела я на тебя,
юный Адам.
И перед тем, как я положила
мои губы на твои,
ты умолял меня
с бледным нежным лицом
нежнейшей лилии:
- Не кусай меня, не кусай меня.
Я видела, что твоё тело
полностью покрыто следами укусов.
Дрожа, я вонзила в тебя мои зубы,
твои тонкие ноздри
раздулись надо мной
и подкрались вплотную ко мне,
как пылающий горизонт - к полю.

Я ещё не видела тебя
Спящего.
Хотелось бы увидеть,
как ты спишь,
когда ты теряешь свою власть
над собой, надо мной.
Хотелось бы увидеть тебя
беспомощного, обессиленного,
онемевшего.
Хотелось бы увидеть тебя,
когда глаза твои закрыты,
бездыханного.
Странно, но мне бы
хотелось увидеть тебя
мёртвого.

Ты положил в меня, не в ребёнка -
себя,
и ты растёшь во мне каждый день,
увеличиваясь и обособляясь.
Так что внутри
не остаётся места
для меня.
и моя душа лежит собакой у твоих ног,
становясь все меньше и меньше.
Но, умирая в себе,
я всё же даже сейчас
сочиняю тебе песни.

Ты покрываешь мои слова, поступки
грязью своих подозрений.
твои взгляды мучают меня.
Жабы выпрыгивают из моего рта.
Черви ползут по моим пальцам.
У меня глаза безобразной ведьмы.
Мои руки - змеи,
раскручивающиеся,
чтобы задушить тебя;
но мои робкие ноги,
приклеенные к земле,
не могут убежать
от твоих глумящихся глаз.